

ДАН БЕРГ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА МАРС

АВТОРСКОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Настоящее произведение можно рассматривать как продолжение повести “Жизнь в раю”.

Вместе с тем “Переселение на Марс” является вполне самостоятельной вещью.

События, описанные в предлагаемом читателю опусе, документально точны. Их достоверность опирается на упомянутое в интродукции к “Жизни в раю” универсальное литературное правило презумпции правдивости. Автор с нетерпением ожидает экспедиций на соседнюю планету, которые развеют недоверие скептиков.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА МАРС

*... любое Зло
Во благо бесконечное, в Добро
Преображается...*

Джон Мильтон, “Потерянный рай, книга первая”, перевод А. Штейнберга.

ГЛАВА 1

*Не в силах мы судьбой повелевать,
Но есть один закон, который вечен:
Умей следовать, рассчитывать и ждать –
И твой успех навеки обеспечен!*

Джордж Гордон Байрон, “Дон Жуан, песнь тринадцатая, стих 18”, перевод Т. Гнедич.

1

Ангелы Михаэль и Габриэль сидели на скромной скамье в тени грушевого дерева, что пустило цепкие корни и простерло широкую крону у входа в рай. Очи их упирались в древнее строение – бесподобной красоты каменные врата темно-красного порфира.

Сквозь дружелюбную сию препону много-много лет назад вошли в вожденную страну некоторые из действующих лиц этой истории. Крылья ангелов бесстрастно сложены, но лица их сосредоточены, уста немногословны, слова значительны. Обсуждалось будущее упомянутых

обитателей рая. Очень скоро читатель узнает направление ангельской беседы, а пока сообщим о ее героях.

Бывший раввин Гершель – уроженец города Вильно. Судьба занесла молодого знатока Священного Писания в украинский город Божин. Не богатство, но мудрость и праведность стали ступенями крутой лестницы, по которой Гершель поднялся к высокому раввинскому посту. Заметим, что этот истинный литвак слыл непримиримым хасидоборцем. Настал неминуемый день, и вознеслась честная душа на небо, и старший над раем ангел Михаэль радушно принял новичка в лоно своих владений.

Жизненная стезя Айзика, хасидского цадика из Божина, змеилась по ниве богатства и любви народной. Высший Небесный суд не сразу постановил в пользу райского бытия хасида, и душа бедного Айзика долго терзалась мукой ожидания у порфириновых ворот. В Божине раввин и цадик слыли идейными противниками. Рай примирил души, но не принципы.

Еще один персонаж – Георгий. Здесь в раю за ним закрепилось прозвание Гиора, но мы пока будем держаться его странного имени, полученного им при рождении. Георгий умер молодым. Сильный и решительный, он отважно воевал с обидчиками народа своего. Он не заносился, но увлекал за собой робких сердцем юношей. При жизни Георгий не примыкал ни к сторонникам Гершеля, ни к адептам Айзика, зато свято блюл заповеди Божьи, и на Небесах размышляли о поощрении праведника деяний и духа. Однако случилось так, что в одной из схваток с одурманенными вином божинскими громилами погиб герой и, конечно, по праву занял место в раю.

Виленский мальчик Гершель втайне любил соседскую девочку Малку. Его переезд в Божин разлучил юные сердца. А вскоре безжалостная смерть унесла чистую душу не знавшей мужа девицы. Через много лет, на Небесах, Гершель вновь встретил Малку и открылся ей, но откровенность напрасна в негожий момент. “К чему слова эти? Лучше никогда, чем поздно...” – услышал он горький ответ. Да разве не права Малка? Не бывать любострастию в раю, коли плоти в нем нет, и грешны мечты о невозможном.

2

Четыре праведных души – Гершель, Айзик, Георгий и Малка – расположились рядком на зеленой травке, вдыхали чудный аромат плодовых деревьев, слушали щебет райских птиц, глядели на приветливо улыбающиеся им с голубых небес белые облака, млели под теплыми лучами ласкового солнца. Но не вполне спокойны мысли, и слабая струйка тревоги журчала невидимым ручейком. Зачем старший над раем ангел Михаэль призвал их на Поляну Раздумий в час полуденный? Конечно, безгрешным душам нет причин опасаться новостей, но ведь не зря же просвещенные обитатели рая прозвали уютный этот уголок “тенетами дилемм”. Тяжел труд выбора после многих лет безмятежности, да и райское ли это дело – принимать решения?

Управитель рая Михаэль и неизменный наперсник его Габриэль не заставили себя ждать. Лишь только безупречной точности солнечные часы указали на полдень, как оба ангела слетели на Поляну Раздумий. “Пунктуальность – благородство Небес!” – подумал Гершель. Тут показался старший над адом ангел Насаргиэль, и это обстоятельство встревожило Айзика. Впрочем, беспокойство бывшего хасида оказалось напрасным – хозяин преисподней коротко переговорил с Габриэлем о текущих делах канцелярии и упорхнул восвояси.

- Мы с Габриэлем рады видеть вас, Малка, Гершель, Айзик и Георгий, в довольстве и здравии, хотя, если вдуматься, иным и не может быть состояние обитающих в раю душ! – произнес Михаэль слова приветствия.

- Мы польщены вашим вниманием, почтенные ангелы, - галантно ответила за всех Малка, - и, разумеется, нам не терпится поскорее узнать о причине почетного приглашения на Поляну Раздумий.

- Это произойдет очень-очень скоро, дорогие наши праведники. Михаэль разъяснит вам цель настоящего собрания, - заверил ангел Габриэль.

- Итак, я начинаю, - произнес Михаэль с выражением одновременно доброты и серьезности в лице, - рай, как известно, есть место наивысшего торжества духа, мечта всех и награда немногих. Одухотворенная вечная жизнь – вот счастливый удел достойных!

- Прости, Михаэль, но мне послышалась нотка попрека в твоих словах, - смело перебил гордый Георгий.

- О, нет, мой отважный Гиора, - возразил Михаэль, - это лишь неприятная констатация. Жизнь учит нас, что, порой, напряжение счастья чревато душевным утомлением. Тогда неосознанно зреет желание новизны. Но разве возможны перемены к лучшему для обитателей рая? Конечно, нет! Однако иной раз крапинка украсит бриллиант...

- Помнится, в земную бытность свою я немного торговал алмазами и подтверждаю, что кокетливая мушка на острой вершине камешка если и не добавит цены, то привнесет свежести, - деловито заметил Айзик.

- Вот именно: свежести, диковинности! - воскликнул Габриэль, - и сейчас мой друг откроет вам, драгоценные наши бриллианты-праведники, что и в раю есть место для свежих альтернатив!

- Теперь прошу всех внимать моим словам, - торжественно изрек Михаэль, - вам, уроженцам Земли, неведомо, что Бог сотворил еще одну планету и назвал ее Марс. И на Марсе, как и на Земле, был создан человек. И люди во множестве населяют Марс, и жизнь их отчасти похожа на земную, но и немало разнится с ней.

- Наверное, нам предложат переселиться из рая на Марс! – воскликнула Малка, всплеснув руками.

- Да мы же ничего не знаем о жизни на Марсе и о тамошних людях! – крикнул Айзик.

- Угомонись и прояви терпение, дружище, - рассердился Гершель, - наш покровитель Михаэль все объяснит нам.

- Если и впрямь нам что-то предложат, то последнее слово должно оставаться за нами! – решительно заявил Георгий.

- По-другому и быть не может! – провозгласил Габриэль.

- Я прошу внимания, - продолжил Михаэль, - как всем вам известно, Господь, созерцая грешные пути земного двуногого существа, с великой горечью признал, что помысел сердца людского зол исконно. Поэтому, создавая человека на Марсе, внешне неотличимого от земного, Бог прибег к двум важным коррективам.

Глаза слушателей расширились, лица выражали предельное внимание, у каждого на устах был готов свой вопрос, но никто не решился перебить в эту минуту речь старшего над раем. И ангел Михаэль мог беспрепятственно продолжать.

- Во-первых, наставляя Адама и Хаву, не возбранил им Бог есть от дерева познания добра и зла, что произрастало в середине райского сада. Они вкушали плоды с любых ветвей по всему вертограду, не делая различий и предпочтений. Нет запрета – нет и охоты нарушать его. Так чахнет в сердце врожденная тяга к неисполнению законов, то бишь заповедей. Да и прочие дурные страсти блекнут. вспомните, как некоторые ваши мудрецы толковали деяние земной Хавы – к похоти ведущая дорога!

Сообщение Михаэля изрядно взволновало слушателей. С немалым трудом удалось Габриэлю предотвратить преждевременную дискуссию и вернуть слово оратору.

- Во-вторых, Бог не отверг дар марсианского Каина, а принял жертву наравне с подношением Эвеля. Посему порочные устремления души – гнев и зависть – обязанные Каину своим появлением на Земле, не привились на Марсе, как, впрочем, и межбратская вражда. А главное – то состоит в том, что не случилось убийство, и тамошние люди не знают подобного злодеяния, и не лишают друг друга жизни, и не воюют!

Если история марсианских Адама и Хавы всего лишь взбудоражила аудиторию, то сенсационное заявление о кротком Каине произвело воистину потрясающее действие. “Человек тысячелетиями не проливал крови ближнего, поколения прожили без войн! Достанет ли земного нашего воображения представить себе такое чудо?” – воскликнул изумленный Гершель. “Меня бы не убили...” – вымолвил Георгий. “Женщины не трепещут от страха, ожидая возвращения из боя своих мужчин – мужей, сынов, братьев, ибо не существует на Марсе ратоборство!” – воскликнула Малка. “Однако когда есть свет, то и тень неизбежна...” – глубокомысленно заметил Айзик, и Габриэль внимательно поглядел на него.

- Как и предвидела проницательная Малка, мы предлагаем вашей четверке переселение на Марс! – заявил Михаэль, улучив мгновение тишины в буре громких дебатов.

- В этом предложении мы должны усматривать поощрение или наказание? – без обиняков задала вопрос Малка.

- Пожалуй, не то и не другое. Небеса продолжают исследование различных жизненных перипетий, как результат вариаций творения, - задумчиво ответил Габриэль.

- Так нам отведена роль подопытных животных? – напрямик спросил Георгий.

- О, нет, конечно, нет, мой Гиора! – взмахнув крылами, горячо запротестовал ангел Михаэль, - поймите, дорогие, вы далеко не первые наши посланцы. Велико число райских жителей, обосновавшихся на Марсе.

- Рай подарил нам вечную жизнь и благоденствие. А что сулит нам марсианское будущее? Смерть и борьбу за существование? – раздался драматический голос Гершеля.

- В твоём вопросе, Гершель, заключен ответ, - сказал Михаэль, - вы, бывшие жители города Божина, мудры и дальновидны. Решая судьбу свою, вы примите во внимание две великих особенности марсианского творения вкуче с советами вашего земного и райского опыта. Замечательно сказал Айзик про свет и тень. Взвесив и сопоставив, вы сделаете ваш свободный выбор.

- Знает ли человек, чего он хочет от будущего, коли он не ведаёт настоящие свои желания? – задался вопросом Георгий.

- Я бы добавил, - задумчиво произнес Гершель, - что мы не умеем жить настоящим, а все торопим будущее, словно оно запаздывает.

- Переселение на Марс мы предлагаем далеко не всем нашим обитателям, - сказал Габриэль, - а лишь достойнейшим и умнейшим из них. До сих пор никто не отклонил высокой чести. Согласие не бывало легковесным, но являлось итогом углубленного размышления. Мой соратник весьма кратко сообщил вам об отличиях марсианского творения от земного. Однако я уверен, лаконичность Михаэля не мешает вашему воображению осознать кардинальность воздействия двух названных вещей на жизнь марсиан. Предвосхищая следующий ваш вопрос, замечу, что ни один из многих-многих тысяч переселенцев не выражал желания вернуться назад в рай и благословлял день правильного выбора. На Марсе душа вновь вселится в тело, умершие молодыми возвратятся в молодость, а старики обретут здоровье и бодрость. Марсианскому долголетию все возрасты покорны.

- Каким же чудом мы перенесемся на Марс? – спросил Гершель

- В раю нет места чудесам, и никто из райских должностных лиц, каковыми мы являемся, не верит в них – твердо заметил Габриэль, - однако, пусть сия материя не беспокоит вас: ведь вы в воле Божьей!

- А теперь – идите и думайте! – сказал ангел Михаэль, переиначив слова земного мудреца.

Ответ наших героев не нарушил тысячелетнюю традицию: они приняли предложение, но по-разному. Малка и Айзик выразили энтузиазм, Гершель проявил осторожный оптимизм, а Георгий согласился из солидарности с земляками.

ГЛАВА 2

*Дев чернокудых песни несутся,
Слышатся лютни звонкие струны.
Город прекрасный, город счастливый...*

Николай Римский-Корсаков, Владимир Бельский, опера “Садко”, песня Веденецкого гостя.

1

Итак, читатель уже знает, что Господь, досадуя на непредвиденное Им богопротивное поведение земного человека, создал альтернативную землю и людей на ней, ради исправления природы которых Он и взял на себя повторный труд творения. Новую планету Бог нарек именем “Марс”, а двуногие там величают себя марсианами, и внешнею они ничуть не отличаются от землян.

Первые марсиане не совершали непростительных судьбоносных грехов, чем по справедливости заслужили расположение Всевышнего. В перечне их заслуг значилась лояльность к абсолютному мировому приоритету Бога. Посему они не затеяли строительства Вавилонской башни до неба, и у Господа не было причины наказывать их смешением языков, и с давних пор и поныне все тамошние жители говорят и пишут единообразно.

География Марса проста. Столица называется Марс. Имеются еще четыре крупных города, получивших имена по сторонам света: Зюдмарс, Нордмарс, Вестмарс и Остмарс. Меж городами разбросаны поселки и деревни. Все есть у марсиан: реки и озера, горы и долины, леса и поля.

На востоке плещется океан, и в порт Остмарса причаливают корабли. Природа вполне благоприятна для жизни и хозяйствования – не хуже, чем на Земле. Науки и искусства, однако, не расцвели столь бурно, как на старой планете. И причина сего кроется не в том, что Марс моложе Земли. О предмете этом речь пойдет ниже, хотя пытливым книголюбом уже строит догадки.

Стоит сказать несколько слов о столице. Как великолепен Марс! Широкие проспекты, тенистые парки, и кругом цветы, цветы, цветы! Из открытых окон бесчисленных кофеен доносится манящая музыка, и нежные женские голоса поют о любви. На шумных улицах не утихает цокот лошадиных копыт, шуршат шины экипажей, по тротуарам фланируют гордые мужчины, с ними под руку шествуют благородного вида дамы.

Контрасты, однако, колют глаз. Вот роскошный многоэтажный магазин нарядов, а вот и жалкая лавчонка, где нечего купить, кроме керосина да селедки. Разодетому и сытому франту чистит ботинки оборванный голодный мальчишка.

Темнеет, и кое-где призывно загораются красные фонари. И сколько ни броди по улицам Марса, ни одного полицейского не встретишь! Они не прячутся в пивных – они просто не существуют за ненадобностью. На вопросы приезжих терпеливо отвечают назначенные на то малоимущие старушки-пенсионерки, восседающие на высоких стульях в застекленных будочках. Они низайше благодарят за протянутый песо и монетке в один сентаво тоже рады.

2

Представим читателю коренных уроженцев Марса – супругов Итро и Адель. Можно ли назвать счастливым их брак? Неоднозначен ответ на этот простой вопрос. Пожалуй, в понятиях марсиан их союз вполне успешен. Но что бы сказали на Земле? Добрых четверть века минуло с того радостного дня, когда юные Итро и Адель обменялись золотыми кольцами, поклялись Богу в вечной любви друг к другу и вступили на общий путь желаний, тайн и компромиссов.

Оба они родились в столице. Отец Адели, мир его праху, был владельцем конного завода в Марсе. Он трудно пробивался в жизни, и дорогу к изобилию с неизбежностью усеивал грешками, прегрешениями и грехами. Неправедность былых деяний он успешно искупал щедрой филантропией и в глазах городских властей выглядел достойным и почетным гражданином. Простой и косный ум не мог уяснить значимость женской просвещенности, поэтому родитель Адели не позволил дочери продолжать образование после шести классов гимназии.

Жадная до знаний и впечатлений девочка тайком посещала библиотеку и прочла все написанные к тому времени романы и стихи. Не следует удивляться такому успеху: литература на Марсе не отличалась изобилием, ибо пылкость любви, бешенство ревности, фанатизм мести, безумство добродетели и прочие могучие порывы души, вдохновляющие созидательное перо, ослаблены были первородной безгрешностью Хавы и Адама.

Итро происходил из семьи золотых дел мастера. К искусному ювелиру обращались богатые заказчики, и семья жила безбедно, хотя и не роскошно. Набожный отец Итро отдавал свободное время чтению Священного Писания, но сыну не прочил карьеру служителя алтаря. Он скопил достаточно денег для учебы отпрыска в университете Марса. Философия и история увлекли студента, и родитель радовался, что направил чадо на надежный путь. Но если б только науки притягивали юношу! Природное эстетическое чувство пробудило интерес Итро к прекрасному полу, и с тех пор факел не угасал.

Как-то раз богатый лошадиник пришел к златокузнецу и попросил изготовить в подарок супруге брошь с изумрудами. Мастер и заказчик разговорились. У одного дочь на выданье, у другого сын с непристроенными вожделениями. Решено было случайным образом познакомиться молодых. Юноша и девица понравились друг другу, пришла любовь, и вскоре отец жениха отлил из белого золота лучшие в своей жизни обручальные кольца.

3

Завершив образование, Итро окунулся в кабинетную работу. Он принялся исследовать нравы и образ мыслей периодически прибывающих из рая на Марс бывших жителей земли. “О, эти люди – крайне интересная компонента нашей марсианской демографии, - говорил себе молодой ученый, - не только интересная, но полезная, влиятельная и перспективная!” Итро был неистощим на новые идеи, редакторы научных журналов с радостью публиковали его статьи и извлекали коммерческую выгоду от возрастающей популярности изданий.

Некоторое время Итро обучал молодежь в университете Марса. Эта работа требовала от него невероятного напряжения душевных сил, ибо с наукой состязался Божьей милостью искус красоты. Порой случалось, что томный восторженный взгляд студентки, или тонкие черты юного девичьего лица, или шорох юбки, или аромат духов совершенно уводили внимание молодого профессора от строгой логической колеи лекции.

Надо признать, и Адель признавала это с тяжелым сердцем, что в душе Итро гнезился вирус влюбчивости. До супружеской измены – пассажи редкому на Марсе – дело не доходило, но чувства Адели бывали уязвлены. Она вербовала агентов для шпионства, и когда донесения становились тревожными, изобретательная супруга всякий раз находила способ невинного устранения опасного субъекта.

Итро не догадывался, что это именно Адель уберегала его от ухабов судьбы, и потому благодарил не супругу, а счастливое стечение обстоятельств, всякий раз помогавшее ему сохранить брачное целомудрие. По существу, Итро любил только Адель, и если б оступился – непременно страдал бы. Защищая себя, преданная жена оберегала совесть мужа, помогая ему противостоять недугу. Порой, однако, ей бывало слишком тяжело и даже хотелось расколоть на безвременном лысеющем черепе супруга блюдо из сервиза, но марсианки не способны к столь радикальным формам гнева, и, оставшись наедине, она разбивала фарфоровую посудину об пол.

Совестливость Итро и умеренность Адели являлись характерным проявлением марсианского отторжения похоти и мести. Сей иммунитет закрепился в поколениях и обязан был беспорочному поведению в райском саду первых людей, невинность которых, не могла, к сожалению, изменить злое устройство сердца человеческого. Не имея исхода, страсти, закованные в цепи добра, тиранили души. С пиршественного стола жизни марсиане унесли яства, заменив их здоровой диетой.

Итро хоть и преуспевал в науке и довольно скоро сделался университетским профессором, денег зарабатывал немного. Жалование и гонорары – источник неизобильный. Путь к надежному благосостоянию лежит через коммерцию. Предприимчивая Адель успешно продолжала отцовское дело. Недостаток образования она замещала знанием людей – чтение беллетристики в юности принесло практические плоды. Дабы беречь от ран самолюбие мужа, она не заговаривала о своих достижениях. Благодарный Итро не мог не замечать расцвета, но не задавал вопросов, остерегаясь будить лихо.

4

Четверых детей породили Адель и Итро. Все, слава Богу, живы. Трех уж подняли, а четвертый – поздний последыш, отрада и награда – еще малыш. Старший сын Хагай окончил Академию медицины в Марсе и начал практику в психиатрической лечебнице. Дочь Яара младше брата на пять лет. Она неплохо рисует и потому учится в Высшей школе изящных искусств. Юная Цвия родилась через три года после Яары. Много времени минуло, и отец с матерью уж и думать забыли о радостях и тревогах младенчества, но Адель порадовала Итро неожиданной новостью, и вскоре появился на свет Амир.

Цвия – боль родительская. Почему не хотела юница по примеру старшей сестры музицировать на фортепиано? А ведь Бог не обидел ее музыкальным даром! Отчего постылы ей были часы в классах, и заданиями учителей манкировала? Директриса гимназии жаловалась Адели, что нерадивая дочь ее – худшая ученица, притом, что способностями к учению – она среди первых. Почему не хотела Цвия дружить со сверстницами, а все тянулась за старшими девочками, а Яару избегала?

Адель с беспокойством отмечала быстрое созревание дочки. В пятнадцать лет Цвия выглядела двадцатилетней. По вечерам исчезала из дому. Говорила, мол, идут компанией в кинематограф. Возвращалась поздно. Поцеловав встревоженную мать, поднималась в свою комнату. С родителями была ласкова, но обманывала напрапалую, рассказывая о своих мнимо невинных приключениях. Как-то раз не пришла ночевать. Объяснила весело: “Заболталась с подружкой, поздно уж было возвращаться, ночевала у нее”. Потом стала отсутствовать дома по несколько дней кряду. “Какие темные силы орудуют в душе девчонки? Что станет с нею?” – делился Итро своими страхами с Аделью.

Родители опасались худшего, и беда не заставила себя ждать. Как-то раз Цвия неделю не появлялась дома. Наконец, пришло письмо от дочери. Хорошее послание, доброе, оптимистическое. Цвия писала, что просит ее не искать, сама вернется, когда время придет. Жизнь свою устроила по зову сердца. В деньгах не нуждается, и настроение преотличное. И еще в том же приятном для родителей духе. В последних строчках – клятвы в дочерней любви.

Ах, как болело материнское сердце! “Ни каких депрессий, крепись и действуй!” – приказала себе родительница. Где искать беглянку? Адель отправилась в городскую мэрию к главе департамента тайного сыска, старшему советнику юстиции. Получив заверения в абсолютной конфиденциальности беседы, она напомнила чиновнику о щедрых пожертвованиях ее отца и о своей верности образу действий родителя. Заметив, что вклад в городскую казну мало впечатляет собеседника, она подумала, что филантропия далека от истинного человеколюбия, и намекнула о хорошем неофициальном вознаграждении в случае успеха.

Ободренный слуга народа попросил посетительницу перейти к сути дела. Адель показала письмо Цвии и рассказала о ее поведении в последнее время. “У вас есть какие-нибудь догадки относительно местопребывания вашей дочери, госпожа Адель? Это могло бы ускорить поиск!” – задал стандартный вопрос чиновник. “Увы, господин старший советник юстиции, я не имею никаких подозрений...” – ответила она, кривя душой.

Через несколько дней Итро и Адель получили депешу из мэрии с указанием адреса, по которому проживает Цвия.

*Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги.
Каждому – свое.*

Марина Цветаева, “Из стихов к Блоку”.

1

Сердечное прощание, добрые слова напутствий, улыбки и слезы расставания – все это осталось позади. В мгновение ока Гершель, Айзик, Малка и Георгий очутились на Марсе. “Прав был ангел Габриэль, - подумал Гершель, - никаких чудес не потребовалось: Божьей волей мы совершили перелет!”

Новоявленные марсиане во все глаза глядели друг на друга: “Это мы или не мы”? Как и предсказывал Габриэль, души вновь обрели телесную оболочку. А откуда взялись тела? Словно долгие годы ждали они своего часа в некоей камере хранения, и вот Божественная рука набрала секретные коды персональных сейфов и освободила их содержимое для новой жизни.

“Дай Бог здоровья нашему Габриэлю, - воскликнул Айзик, - обещал, что на Марсе мы преобразимся до неузнаваемости, и так и вышло!” А Георгий вторил: “Вроде и не Пурим, вроде и не пили вина, а узнаем друг друга с трудом...”

Как известно, годы пребывания в раю стирают признаки возраста. Но на Марсе мочь возвращается, а немочь надолго отступает. Гершель и Айзик во все глаза глядели на Малку и Георгия – покоряет розовощекая молодость! Раввин и цадик не казались ни себе, ни друг другу стариками: бодры были, как в лучшие времена, и спины не болели, и голос не скрипел, и смерть за горами.

- Поздравляю со счастливым прибытием на Марс! – воскликнула, широко улыбаясь, появившаяся, откуда ни возьмись приветливая особа женского пола.

- Благодарим за поздравление, - ответил за всех Айзик, - ты первая марсианка, которую мы увидели, ты замечательно говоришь на нашем языке. Уверены, твоя ослепительная улыбка предвещает улыбку нашей новой судьбы! – расшаркался галантный хасид.

- Вашу марсианку зовут Ципора, - сказала улыбчивая дама, - а об именах и личностях вновь прибывающих нас уведомляют заранее, и мне все известно о вас. Я знаю язык землян, потому что когда-то проделала знакомый вам путь – жила на Земле, умерла, попала в рай, переселилась на Марс. Здесь, друзья, вы изучите марсианский язык. Он прост и логичен. Наше щедрое государство целых полгода будет бесплатно кормить, учить и воспитывать вас. А сейчас прошу следовать за мной – мы пройдем в район вашего проживания.

- Прости мое нетерпение, Ципора, - заговорил Гершель, - но как называется место, в котором мы очутились по своему желанию и по воле Господа?

- Это окрестности города Зюдмарс. Мы входим на территорию Кампуса адаптации, где вы будете жить шесть месяцев, а потом рассеетесь с Божьей помощью по просторам нашей планеты. Вскоре вы узнаете географию страны в подробностях. Экскурсии, разумеется, бесплатные, придадут наглядности обретенным знаниям. Сейчас я передаю вас в надежные руки нашего персонала, - закончила Ципора, - для вас приготовлены и стол и дом.

Гершелю и Айзику – каждому из них – был предоставлен двухкомнатный гостиничный номер в жилом секторе Кампуса адаптации. Георгию, как мужу молодому и выносливому, достался более скромный, но тоже весьма недурной приют. Малка расположилась с удобствами люкс в женской половине интерната. Хотя марсианские апартаменты уступали райским, но много превосходили недоброй памяти тесные и некомфортные земные обиталища.

На окраине Кампуса спрятались в густой зелени деревьев два стоявших неподалеку друг от друга чистеньких домика. Строения пробудили любопытство Георгия.

- Это наши молельные дома, синагоги, как у вас принято называть, – пояснила Ципора.

- А почему их две, да еще и рядом расположены? – спросил Айзик.

- Я думаю, - ответила Ципора, - вам, бывшим жителям города Божина, собравшего в своих стенах разные иудейские конфессии, причина не покажется удивительной. В доме, что стоит ближе к дороге, молятся жители Кампуса, а в ту избушку, которая поменьше, никто и никогда не заходит.

- Отрадно слышать, - заметил Гершель, - скромный этот теремок мне подойдет.

Первое дело для вступившего в новый мир – познать язык его коренных обитателей. Преуспевший в египетском труде учения добьется немало и в прочем. Впрочем, правила многообразной реальности пестрят исключениями. Иной закатит камень в гору и стоит, озираясь, на вершине, и не знает куда податься. А другой обойдет вокруг глыбы, оставит лежать у подножья гранитную тяжесть и бодро потопает, ни о чем не тужа, и далеко уйдет налегке.

Четверо наших героев с усердием вгрызлись в марсианский язык. Молодая память Малки и Георгия жадно впитывала корявые слова, а бойкие уста щедро выпаливали их. Старички не могли похвастаться достижениями. Но упрямый книжник Гершель не отступал, и подвижническим трудом добывал знания крупицу за крупицей, ибо невежество считал прозябанием души. “Граница моего языка – это граница моего мира!” – говорил он. Прагматичный оптимист Айзик быстро охладел к учению и принялся искать перспективные альтернативы, ибо скорее игру на скрипке освоишь, нежели язык выучишь!

В Кампусе адаптации сменялись поколения. Прибывали из рая земляне, за полгода становились марсианами, и вылетали птенцы из гнезда. Другими словами, расселялись на обширных пространствах страны, и, по мнению одних, улучшали, а, по мнению других, ухудшали местный человеческий генофонд.

На бесплатных экскурсиях пришельцы узнавали планету. Ципора и другие наставники горячо и убедительно говорили о важности простого труда и о нехватке рабочих рук на нивах. Однако большинство учащихся Кампуса адаптации бывали покорены великолепием столицы и по окончании курса устремлялись в Марс.

Из наших знакомых один лишь Айзик избрал для себя провинцию. Гершель и Малка представляли свою судьбу не иначе как в Марсе. А Георгий все больше грустил – он не знал, куда и чего ему хочется, все было немило и не по нраву ему. “Да разве они люди, марсиане эти? – думал он, - амебы бесчувственные! Нет горячих, и нет холодных – теплые все. Не любят, не мстят, не убивают... Как прослыть героем там, где не ведают храбрости и не порицают трусости?”

По истечении полугода Ципора, прощаясь с Гершелем, Айзиком, Малкой и Георгием, на марсианском языке пожелала адаптированным выпускникам дерзать и не унывать. Она с сожалением сообщила, что куратор Кампуса, господин Итро, к величайшему сожалению не может произнести напутственную речь, ибо семейные проблемы принудили его к временному пребыванию в столице.

ГЛАВА 4

Розга и наставление дают мудрость, а отрок беспризорный срамит мать свою.

Притчи Шломо, 29-15., перевод под редакцией Д. Йосифона.

Забудет ли женщина младенца своего, не жалея сына чрева своего?

Исайя, 49-15., перевод под редакцией Д. Йосифона.

1

Итро и Адель сидели со скорбными лицами в креслах напротив друг друга. Глаза опущены, уста сомкнуты. В центре низкого столика непривычно пустовала цветочная ваза. Сегодня Адель против ежедневного обыкновения не срезала в саду любимые свои пионы. На краю стола лежали письмо Цвии и депеша из мэрии Марса.

Со дня исчезновения дочери, и в особенности после получения ее жизнерадостного послания, ожидание беды иссушало родительские сердца. Но, как бывает, во тьме предчувствий нет-нет, да и мелькнет светлая крапинка надежды – вдруг не сбудется? А когда сбывается, душа захлебывается и тонет в непоправимом, необратимом. Все имеет какой-то предел, но не скорбь. Ничего нельзя отменить, и сделанное не станет несделанным.

Адрес, сообщенный департаментом тайного сыска, указывал на один из многих домов терпимости, что гнездились на улицах красных фонарей Марса. На первый взгляд может показаться странным, что на планете, где сластолюбие приглушено известной особенностью Божественного творения, и умеренность страстей имманентна, действуют заведения такого рода.

Объяснение этого факта состоит в том, что вожделение, пусть даже притупленное, тем не менее, остается вожделением, и риск извержения вулкана сохраняется. Коммерция любви направляет похоть в законное и спокойное русло и позволяет избежать огорчающих Творца неистовств, ведущих к тяжким грехам, какие случаются на Земле. Поэтому отношение властей и общественной морали на Марсе к домам терпимости выражено в самом названии этих почтенных учреждений.

Но разве основательность доводов уймет боль родительского сердца? И какое дело отцу с матерью до нелепых идей, которые родная их дочь превратила из абстракций в реальность, принеся в жертву свое тело и душу?

Адель расправила и повесила на спинку кресла мокрый от слез платок. Итро протяжно вздохнул – он не умел выражать горе по-другому.

- Цвия пишет, что жизнь свою устроила по зову сердца, - нарушила молчание Адель, - она довольна и весела. Не постижимо моему уму, и я не могу поверить, что молодая девушка могла

добровольно предпочесть разврат чистой любви! Нет подобного абсурда в женской нашей природе!

- Боюсь, Адель, ты смотришь на предмет односторонне, - возразил Итро, - сильные страсти кажутся нам бешенством, а между тем не все скроены по одной мерке. Как видно, Цвия не по-марсиански горяча сердцем, и бедняжка осознала, что не найти ей среди наших апатичных мужчин такого, который принес бы ей всю полноту счастья... Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду...

- Прекрасно понимаю! Среди апатичных мужчин? Но ведь не все скроены по одной мерке, не так ли? – воскликнула Адель, и в глазах ее блеснул и погас гнев.

- Ну что ты, право... Не время говорить о безделицах, ведь горе у нас!

- Твое умствование – вот настоящая безделица, и не ко времени к тому же! Какие грязные предположения ты высказываешь по адресу собственной дочери! Если допустить невозможное, и твои непристойные догадки верны, то, выходит, наша бедная Цвия – паршивая овца?

- Не паршивая овца, а белая ворона...

- Сам ты ворона! – сорвалась Адель, - ты хоть и профессор, а все равно мужлан, если так о женщинах думаешь! Нет в нашей доченьке никаких бешеных страстей. Совращают неизведанным плодом. Невинную девочку обольстил какой-то негодяй, потом запугал, теперь наживается на страхе ее!

- Так ведь она сама пишет, что сделала выбор по сердцу, и всем довольна!

- Она любит нас, не хочет, нам горе причинить. Вот что значит ее письмо!

- Зачем этот спор, Адель? Нам надо обсудить, что делать дальше, как выручать Цвию, – сказал Итро.

- Прежде всего, необходимо выкупить ее из вертепа, а для этого придется вести переговоры с его хозяином.

- Ты права. Я готов отправиться к нему.

- Нет! – закричала Адель, и вновь гнев блеснул и погас в глазах ее, - ты не пойдешь туда, это сделаю я!

- Но ведь благородной даме неприлично появляться в таком месте!

- А благородному господину прилично? Что делать, придется идти. Закрою лицо плотной вуалью. И, прежде всего, вызову Цвию, разговорю ее, узнаю, что у нее на сердце.

- Хорошо. Нам нужно известить Хагая и Яру. Мы не можем скрывать от них. Но мы должны постараться сохранить наше несчастье в тайне от друзей и врагов.

- С Яарой поговорю я. Надеюсь найти нужные слова, чтоб вызвать жалость, а не хулу. Хагая оставляю тебе. Бедный мальчик! Он с головой ушел в работу, он так далек от всего такого!

Итро усмехнулся про себя. Он вспомнил, как бедный мальчик однажды проговорился ему, что посещает дом терпимости – легче держать на языке горячий уголь, чем тайну. Итро не осудил.

Он ободрил сына, сказал, что, пожалуй, это правильное решение эмоциональных проблем, покуда молодой человек не вступил в законный брак.

2

Адель скомандовала кучеру остановиться за несколько кварталов от нужного ей места, велела дожидаться ее. Шляпа с широкими полями, темная вуаль, одежда, в которой ее никогда не видели – все меры предосторожности были предприняты на случай нежеланной встречи знакомого лица.

Не оглядываясь и не поднимая головы, Адель быстрым шагом устремила к проклятой цели. Дошла. Это здесь. Ограда. За воротами среди деревьев виднелась крыша трехэтажного здания. Место чистое, ухоженное, пристойное. Ни души на улице и во дворе дома. “Время полуденное, - подумала Адель, - потому и тихо, многолюдье и мерзости начнутся, должно быть, вечером”.

Адель потянула за ручку звонка. К ней вышла прилично одетая немолодая женщина. Лицо ее выражало благонамеренность и отчасти удивление.

- Что угодно госпоже? – спросила она.

- Я хочу побеседовать с хозяином заведения, - выдавила Адель непослушные слова.

- Как мне доложить?

- Я представлюсь ему лично.

- Хорошо, пусть так и будет.

Следуя за провожатой, Адель обратила внимание на тщательно выметенные садовые дорожки и подстриженные кусты. В приемной зале она уселась в предложенное ей кресло и стала ждать аудиенции. Признаков роскоши не замечалось, но все кругом сияло чистотой и опрятностью. Мебель новая, хотя и простая, по стенам были развешены картины с марсианскими пейзажами, почти в центре помещения стоял рояль, окруженный пустыми стульями, ожидавшими слушателей. “Ни дать ни взять аристократическая гостиная!” – усмехнулась про себя Адель.

Сверху доносились музыка и пение. Слабому женскому голоску аккомпанировал аккордеон. Иногда были слышны гитарные переборы. “Репетируют, наверное”, - предположила Адель. Она уже четверть часа пребывала в обители порока и все еще не могла обнаружить знаков пошлости и дурного вкуса, без которых она представляла себе подобные заведения.

По широкой лестнице, устланной неяркой ковровой дорожкой, спустились девушки. Уверенный хозяйский вид вошедших заставил Адель предположить в них обитательниц сего дома. Цвию она не увидела. Девицы расселись на стульях, с любопытством уставились на гостью, перешептывались и дружелюбно кивали ей. Свежие физиономии не были разукрашены избыточной косметикой и не казались несчастными, тупыми или рабски покорными судьбе.

Тут появился молодой мужчина, претенциозно одетый и изрядно надушенный. Черный костюм, галстук-бабочка, полоска белоснежного платочка на пиджаке, в петлицу воткнута свежая роза, ботинки зеркально лаковые, волосы прилизаны, рукава на локтях чуть поблескивают. “Наконец-то я вижу безвкусицу и дурной тон!” – с облегчением подумала Адель.

- Девочки, прошу вас подняться в столовую, сегодня обеденное меню с сюрпризом! – ласково произнес хлыщ.

- Мадам, меня зовут Омер, я владелец этого пансиона, счастливо удостоившегося благосклонного внимания уважаемой госпожи...

- Адели, господин Омер, - коротко бросила гостя, - и я бы хотела обсудить цель моего прихода без лишнего многословия.

Омер провел посетительницу в свой кабинет, указал ей на стул, и сам церемонно уселся напротив.

- Моя дочь Цвия проживает в вашем, как вы говорите, пансионе. Это горькое обстоятельство глубоко ранит материнское сердце, и я намерена выкупить бедную девочку и вернуть несчастную в лоно семьи.

- В отношении выкупа, госпожа Адель, я имею честь сообщить о принципиальной возможности подобного хода дела. Но надобно иметь в виду, что между Цвией и мной заключен законный и официально заверенный в мэрии Марса контракт на пять лет. Неустойка весьма и весьма ощутима и может подорвать любой семейный бюджет. Мне кажется, для принятия окончательного решения лучше всего сперва поговорить с Цвией. Смею надеяться, она не согласится с мнением о бедственности своего настоящего положения. Я рад сообщить матери, что имею только благоприятные отзывы о ее дочери, - доверительным шепотом произнес Омер, и довольная улыбка осветила его лик.

Последняя фраза хозяина борделя змеиным жалом вонзилась в материнское сердце. Адель растерялась, и душа заболела.

- Вам нет надобности тревожиться о бюджете нашей семьи. Прошу пригласить Цвию и оставить нас одних.

3

Вошла Цвия. Минуту мать и дочь стояли молча, в глазах обеих светилось бесконечное сострадание. Потом, не жалея слез, они бросились в объятия друг к другу.

Цвия была уверена, что встреча с матерью неизбежна. Она боялась упреков, но не услышала их. “Расскажи, доченька, как это вышло...” – робко попросила Адель.

Взволнованность, трепет чувств и необратимость обстоятельств сделали бесцельной привычную ложь. Цвия чистосердечно поведала о первом знакомстве с господином Омером и о последующих свиданиях с ним. Он был добр и быстро достиг ближайшей цели. Потом он предложил ей испытательную неделю в своем заведении, и она согласилась. Подписали контракт. Она не жалеет. Она заявляет об этом абсолютно честно, хотя и признает, что встречается скотство среди мужчин. Через пять лет она вернется домой, и все будет хорошо.

Кажется, впервые Цвия была откровенна с матерью, и, не обманывая и не стыдясь, открыла ей душу. Исповедь дочери потрясла Адель. Все свое достояние она готова была отдать, лишь бы спасти дитя. Однако с ужасом осознала, что верны не только ее предположения о совращении, но и Итро был не менее прав.

- Помни, доченька, мы с отцом всегда готовы придти тебе на помощь, только позови!

С этими словами Адель простилась с Цвией, и, убитая горем, ушла домой. Вслед ей сияла самодовольная улыбка господина Омера.

ГЛАВА 5

*Нет в мире вещи, стоящей пощады,
Творенье не годится никуда.*

Иоганн Вольфганг Гете, “Фауст, Часть 1”, перевод Б. Пастернака.

1

Вернемся на несколько лет назад – от больших печалей к маленьким детям. Итро и Адель жили в Марсе, в доме, подобающем обеспеченной семье молодого университетского профессора и владелицы прибыльного дела. Старший сын Хагай радовал родителей успехами в гимназии. Дочь Яара, послушная и добрая девочка, обнаружила способности к рисованию. Она получила в подарок огромную коробку цветных карандашей и набор акварельных красок и увлеченно заполняла фигурками и узорами листы альбома. Малышка Цвия бойко разговаривала, налету схватывала азбуку и своими проказами доставляла немало забот няньке.

Чтение лекций в университете не могло поглотить все время профессора. Итро увлекся изучением характеров пришельцев из рая – бывших земных праведников. В сферу своих интересов он включил также перспективы их адаптации на Марсе. Мера общественной пользы, приносимой землянами, зависела от успешности их вживания в марсианскую среду. Но в этом Итро видел лишь одну сторону дела. Другая сторона состояла, по его мнению, в том, что пришельцы из другого мира вливают свежую кровь в жилы дряхлеющего организма. И поэтому требуется не переделка землян в марсиан, но обогащение старого новым – так рассуждал патриот Марса.

Свои впечатления и мнения Итро черпал из бесед со студентами и студентками – выходцами с Земли. Он много размышлял о фундаментальных различиях Божественного творения на двух планетах. В несходстве деяний Хавы и Каина на Земле и на Марсе он усматривал первопричину марсианского застоя. Желая добра своей планете, Итро в научных трудах предлагал пересмотреть подход к адаптации и, выходя далеко за рамки этого процесса, рекомендовал заменить однонаправленное движение встречным. Он достаточно строго относился к своим изысканиям, сознавая их академическую ограниченность. Хотя, говорят, самокритика есть скрытая похвала собственной непредвзятости. Ему был необходим живой практический материал, которого он пока не добыл. При всем при том Итро сделал себе имя серьезного теоретика, его статьи пользовались успехом и вызвали многочисленные отзывы сторонников и противников.

2

Однажды утром почтальон принес заказную депешу. Итро расписался в получении и, не разглядев хорошенько полученный предмет, удалился к себе в кабинет, чтобы в тишине и спокойствии прочесть послание. Нет, это письмо не от редактора научного журнала и не от администрации университета. Первоклассный конверт, незнакомый логотип в правом верхнем углу. Итро взглянул на имя отправителя и не поверил своим глазам – “Виконт Ярив”!

Трепетными руками Итро аккуратно извлек письмо. Мелованная бумага, текст отпечатан на пишущей машинке, сверху листа тот же логотип, что и на конверте. Итро принялся читать.

“Уважаемый профессор Итро!

Несколько лет я пристально слежу за твоей научной деятельностью и смею себя называть твоим верным читателем и почитателем. Хотя род моих занятий – это коммерция, а не наука, я дерзаю утверждать, что мне понятны благородные помыслы твоих ученых трудов.

Я солидарен с твоим стремлением усовершенствовать адаптацию прибывающих к нам из рая выходцев с Земли. Вместе с тобой я верю в то благо, которое пришельцы могут и должны доставить нашей планете. Мною руководят патриотизм и деловые интересы.

Мне кажется, дорогой Итро, нам стоит начать сотрудничество для пользы Марса, а также ради твоей и моей выгоды. Я готов снабдить тебя ресурсами, необходимыми для практического воплощения теоретических идей. Кроме того, я намерен сделать тебе одно предложение и надеюсь обсудить его при личной встрече.

Я и моя супруга Берта просим тебя и очаровательную Адель посетить нас в Нордмарсе. Назначить взаимодобное время мы сможем по телеграфу.

С почтением,
твой друг,
Ярив”

Сердце Итро забилось чаще, лицо покраснелось. Ведь виконт Ярив – один из богатейших людей Марса, обладатель индустриальных и аграрных капиталов. Его огромные деньги неустанно работают, они материализованы в фабричных стенах и на сельской ниве и притягивают многие тысячи наемных рук. Ярив не тратится на бесплодную филантропию, но направляет прибыли в русло развития науки и труда. В знак признания его заслуг перед планетой, власти Марса даровали ему титул виконта. И вот, этот исключительный человек заметил и оценил изыскания Итро, предложил сотрудничество, обещал помощь, и, наконец, удостоил приглашения!

Итро едва дождался возвращения жены. Только она переступила порог, он увлек ее за собой в кабинет. “Читай, дорогая!” – с торжеством воскликнул Итро и нетерпеливо всучил ей в руки письмо. Адель с жадностью проглотила краткие строки. Какая удача! Она угадывала столь желанный перелом. Ее вклад в семейную казну превосходил его лепту, и она желала его успехов больше, чем своих, ибо берегла самолюбие мужа от ран.

Приготовления к поездке явились для Адели серьезным испытанием вкуса. Выбор туалетов есть дело первейшей важности. Платья, шляпы, обувь, украшения – да мало ли всего! Не забыть позаботиться и об Итро, чтоб выглядел прилично. “Мера, мера и еще раз мера! Богатство Ярива и Берты много превосходит наше, и одежда должна различаться сообразно, дабы не обидеть и не насмешить стоящих выше рангом. Но смотреться достойно мы обязаны!” – рассуждала Адель. Забегая вперед, скажем, что вопреки логичности теоретических выкладок, действительность преподнесла сюрприз. Платье Берты было подчеркнуто скромным, проще наряда Адели, и это обстоятельство вызвало досаду профессорской супруги, заподозрившей пренебрежение.

Железная дорога между Марсом и Нордмарсом еще только строилась, и Итро с Аделью отправились в путь конным экипажем. Цель их путешествия – излюбленное место проживания марсианской элиты. Как ни прекрасен столичный Марс, а периферийный Нордмарс несравненно чище, тише и благолепнее. Ярив владел впечатляющей величины особняком и

цветущим садом. Хозяева вышли навстречу гостям. Состоялось сердечное знакомство. Приветствия, рукопожатия, улыбки. Кажется, все друг другу понравились.

Отдохнув с дороги в отведенных для них комнатах, Адель и Итро вышли к ужину. Беседа за совместной трапезой углубила знакомство и взаимную симпатию. Хозяева расспрашивали гостей о детях и слушали с живым интересом, в искренности которого Адель сомневалась, ибо пожилым Яриву и Берте так и не выпало счастье породить наследников. Было решено посвятить делам утро следующего дня.

4

После завтрака Берта увела Адель гулять в саду, а Ярив пригласил Итро к себе в кабинет. Ввиду серьезности предстоящей беседы, сигары и коньяк не пошли в дело. Итро обратил внимание на книжный шкаф. Ярив заметил его взгляд.

- Это моя библиотека, в ней собраны все произведения творцов изящной словесности нашей планеты, - не без иронии заметил Ярив, а Итро вспомнил, как гордилась Адель своей литературной эрудицией, - да, к сожалению, у нас мало сочиняют стихов и романов, - продолжил Ярив, - зато процветает индустрия критики и критики на критику, а личность автора романа – в центре ее. Фантазии пишущей братии хватает лишь на статьи.

- Твой покорный слуга повинен в том же грехе, - заметил Итро.

- О, ты – совсем другое дело: научный жанр может найти выражение только в статьях! – успокоил гостя Ярив.

- А теперь я предлагаю перейти к теме наших общих интересов, - сказал Ярив, - я, как и ты, чрезвычайно интересуюсь адаптацией посланцев рая, бывших землян. Дорогой Итро, я знаком с очень многими из этих людей, они щедро делились со мной воспоминаниями о рае и о Земле, и я представляю себе, чем они дышат и чем отличаются от нас, марсиан.

- Ярив, ты имеешь в виду последствия изменений в деяниях Хавы и Каина во втором творении Господа? - уточнил Итро, - да, недовольный земными беспорядками, Бог искал альтернативу, экспериментировал, и, кажется, опыт более или менее удался...

- Я думаю, Итро, что твои студенты, бывшие земные праведники, слишком буквально понимали слова своих наставников в раю – Михаэля и Габриэля. Разве суть в экспериментах или в альтернативах? Всевышний осознал свои промахи и не захотел повторять их. Но, боюсь, что во второй раз у Него вышло еще хуже!

- Ярив, твои слова похожи на...

- Богохульство! Я знаю это, но я знаю, о чем я говорю! Верша второе творение, Бог не запрещал Хаве и Адаму есть от дерева познания добра и зла. Они ели, но ими двигал голод, а не любопытство. И похоть почти не овладела их душами и в поколения наши едва передалась. Не стану говорить об эмоциональных следствиях, но дефицит любопытства и любовной страсти затормозил развитие наук и искусств!

- У нас не бесчестят женщин, почти не встретишь прелюбодеяний, браки крепки, и редки разводы...

- Верно, мой юный друг. Но есть ли в мире такая вещь, о которой можно сказать только плохо или только хорошо? Как посмотреть на дело – вот в чем штука! Разве презреть дар одного из

братьев – это вежливый поступок? Желая исправить ошибку, Бог, верша второе творение, принял жертвоприношение от Каина, и сердце последнего не возгорелось гневом и завистью, и он не сделал зла брату Эвелю. Не совершилось убийство, и жажда крови миновала марсиан. Посему мы не ведаем ни битв, ни рати, ни мечей. Но ведь для науки и индустрии нет стимулов больших, чем война и оружие, не так ли?

- Позволь, Ярив, разве худо, что жизнь на Марсе не омрачают убийства, казни, палачи?

- Я не занимаюсь моральными догматами, я только делец. Повторяю, зло не существует без добра. Есть в твоих словах правота, которую я выражу по-своему и неакадемично: и на черном кобеле найдется белый волосок! Извини за вольность.

- Я не только делец, но и патриот, - продолжил Ярив, - и я весьма обеспокоен будущим планеты. На наше счастье, земляне пока ничего о нас не знают. Но бешеные страсти гонят вперед их прогресс, и они опережают нас. Пройдет немного времени, и эти дьяволы с Земли доберутся до Марса, минуя рай. Они ограбят и поработят нас. А мы не умеем воевать, и нам нечем защищаться!

Итро впечатлился речами Ярива. К удивлению своему молодой теоретик обнаружил, что старый практик информирован лучше, интересы его шире, а знания основательнее. Ярив же в глубине души не сомневался в ограниченности и схоластичности университетской науки. Но ему был нужен молодой, умный и энергичный помощник. “Хорошо, что он не переоценивает себя, - думал Ярив, - ведь признающий ограниченность собственного опыта ошибается реже!”

- Итак, уважаемый профессор, я продолжаю. На моих фабриках и полях трудятся немало земных людей. Они – лучшие работники. И, что крайне важно, многие из них хранят в сердцах животворный бунтарский дух Земли. Этим людям под силу осушить марсианские болота холодности и благочестия. Другими словами, они могут исправить нашу породу, да простятся мне поползновения в скомпрометированную евгенику!

- Позволь заметить, Ярив, что воззрения твои кажутся мне необычайно новы, и я пока не уверен в их приемлемости для меня. Я должен разобраться в твоих идеях. Ты, кажется, говорил о сотрудничестве?

- Именно к этому предмету я и хочу перейти. У тебя будет время обдумать мой образ мыслей, и принять или отклонить его. Однако из твоих научных работ я уяснил, что в крайне важном пункте мы с тобой согласны уже сейчас. Адаптация прибывающих из рая земных праведников требует перестройки, а именно: не перевоспитывать землян в марсиан, а наоборот, блюсти исконные свойства пришельцев.

- О, это безусловно так! – воодушевился Итро.

- Я предлагаю тебе, Итро, взять на себя практическую миссию. Я похлопочу, и ты получишь государственный пост в департаменте просвещения. Ты разработаешь новые программы обучения и станешь научным куратором Кампуса адаптации. Вознаграждение за труд сложится из жалования высокопоставленного чиновника и мною положенного оклада. Твои доходы возрастут многократно по сравнению с нынешними. Я приобрету в твоё владение особняк в Зюдмарсе.

- Благодарю тебя за доверие, Ярив. Если я приму предложение, что станется с моей деятельностью в университете?

- Чтение лекций придется оставить, но научный труд ты сможешь продолжать. Думаю, обилие нового практического материала станет в помощь. А вот и Адель с Бертой возвращаются. Как раз вовремя!

После приятной беседы за обедом, Итро и Адель укатили домой. Дебаты по поводу предложения виконта не затянулись. Итро был воодушевлен перспективами, Адель радовалась его успеху и внутренне ликovala, что муж покинет, наконец, университет – это гнездилище смазливых студенток. Согласие было дано, и вскоре молодые супруги праздновали новоселье.

ГЛАВА 6

Поистине самое подходящее для старости оружие, Сион и Лелий, – это науки и неустанное упражнение в доблестях, которые – если их чтити во всяком возрасте – в конце долгой и полной жизни приносят дивные плоды...

Цицерон, “Катон Старший, или О старости”, перевод В. Горенштейна.

1

Итак, Ципора попрощалась со своими питомцами, которые за шестимесячный срок адаптации успели привязаться к своей классной даме. Теперь ее ждут новые воспитанники, а наших героев – новые испытания.

Гершель открыл для себя две важных вещи: во-первых, на Марсе отсутствуют гонения на его народ, а во-вторых, иудеи не разбрелись по конфессиям хасидов, хасидоборцев и прочих. Он много размышлял о причинах. Сверхъестественную веротерпимость марсиан он пытался объяснить особенностями второго творения, как его описывал еще в раю ангел Михаэль. Безгрешность Хавы обернулась прохладной индифферентностью в душах, тогда как остракизм требует бурных страстей. О погромах же и говорить не приходится, коли робкий марсианский Каин не вложил в сердца будущих соотечественников дух насилия. Но как иудеи Марса сумели устоять от вечного соблазна раскола – этого ум Гершеля пока не постиг. Однако факт существует и предъявляет свои права на признание. Поэтому к концу адаптационного периода Гершель прекратил посещать обыкновенно пустующий храм и стал молиться в общепризнанной синагоге. “Если нет хасидов, значит, бессмысленны и хасидоборцы, - с грустью размышлял Гершель, - наверняка Айзик огорчен. Теперь уж точно разойдутся наши пути, ибо, что связывает нас, кроме разномыслия?”

Необычайное рвение Гершеля в овладении марсианским языком не осталось незамеченным. Не всегда безмерное усердие возбуждает подозрение начальства. Ципора доложила куратору Кампуса адаптации о необыкновенном студенте. Итро пригласил Гершеля в свой рабочий кабинет, расспросил о прошлой жизни и о нынешних устремлениях. Высокопоставленный администратор не хотел произвести впечатление превосходства. Подлинная тонкость проистекает из истинной деликатности. Чтобы беседа не уколола самолюбие гостя и не показалась ему покровительством благополучного нуждающемуся, Итро пожаловался намеком на свои невзгоды – одна из дочерей ранит его родительское сердце. Собеседники прониклись симпатией друг к другу, почувствовав родство книжных душ. Вскоре Гершель узнал, что ему назначена дополнительная стипендия сроком на год, и будет оплачено проживание в Марсе.

Гершель занял маленькую комнатку в нижнем этаже дома на одной из тихих улиц столицы. Ненужность борьбы за выживание не расслабили Гершеля, и познавательный пыл его не остыл. Скромность стола и дома ничуть не мешали работе мысли омолодившегося старца. Память

служила верно, и вскоре Гершель почувствовал, что неистребимый акцент остался последней слабостью в его марсианском языке, а это не слишком важно.

Гершелю не нравилось, что марсианские иудеи не достаточно, на его взгляд, привержены религии и не упорны в исполнении заповедей. “Конечно, коли не являешься предметом всеобщей ненависти, то это расхолаживает волю к сплочению, и вера, как заостренный инструмент ее, притупляется, - рассуждал Гершель, - однако, сердцем принятое Учение открывает путь к истине и счастью”.

Пронзительный клич сердца звал его к действию. Он вчитался в Священное Писание на марсианском языке и пришел к неутешительному выводу – недопустимо далеки эти книги от истинного Слова Божьего. Гершель не сомневался, что ему хватит сил и лет сделать правильный перевод. “Чем хуже я любого из семидесяти толковников? – думал он, - стану зачинателем новой плеяды. Я добавлю свои трактовки. Всякий переводчик – интерпретатор, переплывающий реку с одного берега на другой. Необычные обстоятельства требуют свежих толкований!” В письме к Итро он поделился своим планом и в ответе нашел не просто эфемерную моральную опору, но и заверения о помощи в издании и распространении книг.

Трудясь над Священными текстами, Гершель выпукло изображал и бескомпромиссно толковал бесчинства персонажей и необузданность их деяний – вещи, закамуфлированные в марсианском Писании трусливыми каноническими формулировками. “У обитателей этой планеты и мозги и вера травоядные!” – думал Гершель и радостно продолжал свой труд, нацеленный на перековку кроткого сознания марсиан.

Дни текли за днями. Гершель жил один в своей комнатке. Работал от зари до зари, и такое существование было в радость ему. Утомившись к вечеру, совершал моцион. Топая неторопливо, вспоминал былые годы – как отроком влюбился в девочку Малку, как уехал из Вильно в Божин, как пером воевал с хасидами, как женили его. Супругу и деток своих не помнил. Стерлись семейные лики в памяти. Да ведь так много лет прошло, их и в живых нет, хорошо, если могильные камни на божинском кладбище целы. Не радостна жизнь книжника в Божине, но здесь, в Марсе, благоденствует душа его. “Суть счастья моего – в книгах, я должен учиться и учить...” – размышлял Гершель.

К истечению стипендиального срока Гершель оканчивал счастливо-изнурительный труд перевода. Он задумал открыть школу и вразумлять детей – земной меламед в марсианском хедере. Харизматичный Итро употребил влияние и убедил многих из друзей отдать своих чад на воспитание к учителю с Земли. Появившийся у Гершеля постоянный заработок сообщил ему чувство уверенности и порадовал его покровителя. Даже безнадежный книжный червь не чурается сладости тщеславия, и Гершель гордился завоеванным уважением марсиан.

2

Неунывающий Айзик не имел намерения проматывать оплаченные государством полгода студенчества на бесплодное бдение над спряжением глаголов или зубрежку сучковатых слов. “Я стар, и память моя ослабла, скукожилась, отторгает новое, - думал Айзик, - но я не на столько стар, чтоб разлюбить жизнь и не желать удовольствий!”

Все же Айзик одолел некий минимум миниморум, дабы держаться на поверхности, не утопая. Он не любил скудость, и был мастер добывать деньги и со вкусом тратить их. Айзик быстро смекнул, что занятия в классе приведут его к нищете и никуда больше. Не в книги надо глядеть, а в глаза людям. Задавать вопросы и мотать на ус ответы. Чем больше заведено знакомств, тем скорее окажутся среди них полезные. Припомнилось Айзику, как в свою земную бытность слышал он от какого-то просвещенца, мол, скучна теория, а древо жизни бурно зеленеет. Или

что-то в этом роде. Тогда едва обратил внимание на нечестивые слова, а сейчас осознал правоту безбожника. “Удивительное дело – мысль умная, а не из Священного Писания взята!” – подумал Айзик и испугался своим отступническим суждениям.

К выпускному балу, как насмешливо называл Айзик прощальный вечер в Кампусе адаптации, у бывшего хасида был готов план вторжения и завоевания. Он не удостоился дополнительной стипендии, как отличник учебы Гершель, но ничуть не сетовал на лицепрятие. Столица не для Айзика, он не поедет в Марс. Город Зюдмарс доставит ему личный успех. Он намерен покорять провинцию.

Покинув Кампус вполне адаптировавшимся, Айзик поселился на окраине Зюдмарса у крестьянина, с которым раньше познакомился впрок и, как оказалось, не напрасно. За скромную плату он получил в свое распоряжение комнатуху и сарай. У своего некорыстолюбивого домохозяина взял напрокат два чемодана и ослика, такого, что самого Айзика не сдюжит, но при хорошем фураже и ласковом обращении не откажется везти небольшой груз.

Свои скромнейшие сбережения Айзик вложил в приобретение галантереи. Он руководствовался простой купеческой заповедью – успех не в том, чтобы дорого продать, а в том, чтобы дешево купить. Приобрел товар оптом у заводчиков и потому по низким ценам. Запасы разместил в сарае. Он умел торговать и рисковать. В Божине хасид Айзик не сразу сделался цадиком, сначала разбогател. Кто знает, какие добродетели притягивали голытьбу к наставнику – то ли праведность, то ли добычливость...

Многоопытный в прошлом негодичант начал новое восхождение с самого низу – с торговли вразнос. С утра наполнял чемоданы, связывал их ремнем и возлагал на спину своего зафрахтованного товарища. Айзик не углублялся в город, где магазинов много, а состоятельных жителей мало. Он шествовал по окраинным улицам, где в особняках проживали люди с достатком. Человеку нравится глядеть на ближнего сверху вниз и покровительствовать – приятно ощущение силы и значимости. “Крутиться надо среди богатых, от них скорее дождешься проку, чем от бедняков. Люби почтенную компанию и будь в ней худшим!” – этому Айзик в позапрошлой жизни выучился, да и на себе проверил.

“Перчатки! Чулки-носки! Кружева! Ленты! Гребенки! Пуговицы! Нитки! Иголки! Скатерти! Бусы! Брошки!” – выкрикивал Айзик помолодевшим звонким голосом. Он выбирал дневное время, когда мужчины трудились в своих конторах, а женщины скучали дома. Он избегал мужей не из опасения ревности, тем более что это бедствие было мало распространено на Марсе, а потому как знал, что для уличного разносчика мужчина – плохой покупатель. Ассортимент товаров предназначался для женщин. Даже обеспеченная дама любит купить подешевле, и Айзик продавал недорого, зато много. Для незанятой делом хозяйки поторговаться и потолковать с продавцом – утеха и развлечение. В марсианском языке Айзик не был силен, но темпераментом, мимикой и жестами хорошо дополнял небогатый лексикон.

Если никто не отзывался на громкие призывы, Айзик стучал в дверь ближайшего дома. Только хозяйка откроет незваному гостю, как неученый психологии, но многоопытный Айзик незаметным движением поставит ногу в дверь, а лицо его осветит широчайшая улыбка.

С помощью смелого употребления куцевого словарного запаса и красноречивой жестикуляции Айзик демонстрировал и расхваливал галантерею потенциальной покупательнице. “Не верь в товар – верь в рекламу!” – говорил себе Айзик. Буря швыряла на трюмо в прихожей сокровища из чемоданов, а натиск неизменно приносил плоды.

Успех окрылял. Очень скоро Айзик распрощался с крестьянином и со своим верным серым дружкой. Нанял презентабельное помещение для торговли и жилья. На деловом горизонте он видел себя владельцем сети процветающих магазинов.

Айзик стал подумывать о женитьбе. А почему бы и нет? Как-то еще в бытность бродячим торговцем, утомившись в один из дней от долгой ходьбы, возложил на четвероного помощника выбор пути, и тот привел его к воротам весьма солидного особняка. Навстречу Айзику вышла важная дама, примерно таких же лет или несколько моложе. Решительным возгласом она остановила безудержное словоизвержение его уст. Сама запустила руку в чемодан, выбрала, что хотела. Потом пригласила торговца в гостиную, усадила за стол. Девушка-служанка принесла два прибора, кофейник, чашки, корзинку с печеньями.

Наконец-то Айзик преодолел трясину и унижение прихожей и удостоился приглашения в дом! Рина, так звали даму, расспрашивала гостя о его житье-бытье и о себе рассказывала. Муж у нее умер, и она осталась одна, а дети живут в Марсе. “Богатая вдова!” – подумал Айзик. А что еще мог подумать нуждающийся в капиталах пожилой одинокий мужчина на подъеме своей второй карьеры?

Айзик стал захаживать в хлебосольный дом. Рина наблюдала за его коммерческими успехами, и чем очевиднее они делались, тем теплее становился прием. Когда Айзик покончил с малопочетной торговлей вразнос и открыл собственный магазин, Рина сделала ему предложение. Айзик избавил женщину от томительной неизвестности ожидания ответа и немедленно дал согласие на брак. Став невестой и женихом, Рина и Айзик решили сыграть свадьбу через месяц, который требовался для законного составления брачного контракта. Тут бывшего хасида ждало первое на Марсе разочарование. Рина настаивала на отдельном владении имуществом. Принимая это условие, Айзик вытребовал определенный и немалый вклад вдовы в дело. Умелый адвокат помог достичь взаимоприемлемого соглашения.

О переменах в своей судьбе Айзик сообщил письмом Гершелю и пригласил хасидоборца на свадьбу. Гершель поздравил земляка, сдержанно поблагодарил, но приехать не обещал ввиду большой занятости. “Какой он был, такой и остался. Как всегда – завидует моему счастью, литвак!” – подумал Айзик.

Молодые провели медовый месяц в путешествии по планете. Вернулись в Зюдмарс, и работа закипела. Рина вложила в созданную фирму не только капитал, но и собственную энергию. “Замечательная марсианка!” – сам себе говорил Айзик, но иногда и вслух хвалил подругу жизни, совершенно не боясь сглазу.

ГЛАВА 7

*“Давай-ка, Горчаков, без лицемерья;
и знай – реальность высказанных слов
огромней, чем реальность недоверья”.*

Иосиф Бродский, “Горбунов и Горчаков”.

Высшая школа изящных искусств добавляет аристократизма одному из фешенебельных пригородов Марса. Несколько двух- и трехэтажных зданий, спроектированных лучшими архитекторами планеты, прячутся среди причудливой зелени ухоженного парка. Пасторальная

тишина вокруг. Даже черствая и чуждая красоте личность, коли случайно забредет в эти места, с удивлением обнаружит непривычную лепоту в душе.

Детское увлечение Яары рисованием крепло с годами, и уже в юности она отчетливо видела свое будущее призвание – живопись. Чуткий к эстетике Итро приветствовал выбор дочери. Мысли Адели раздваивались. Мать радовалась за свое чадо, избирающее любезное сердцу занятие, но ощущала себя одинокой в семье. Муж и взрослый сын погружены в науку, старшая дочь льнет к искусству, Амир еще мал, и склонности его не ясны, а в коммерцию никто не стремится. Правда, Адель надеялась и даже верила, что Цвия вырвется из своего ада, и вернется в родные стены, и забудет прошлое и наследует материнскую тягу к делам практическим.

Яара неплохо показала себя на вступительных экзаменах и была принята на первый курс факультета живописи. Высшая школа изящных искусств – самое дорогое учебное заведение на Марсе. Плата за учение высока, но для обеспеченных родителей это не обременительно. Яара переселялась из Зюдмарса в столицу.

“Где жить девочке? – с тревогой спрашивала себя Адель, - в общежитии студентов или в наемной квартире? И то и другое худо для чистого неиспорченного ребенка. Цвии с меня довольно... В столице у нас нет надежной родни, к которой можно было бы пристроить Яару, чтоб находилась под присмотром. Правда, Хагай живет и трудится в Марсе, но не хочется обременять перспективного парня малопонятными ему просьбами”.

Не дождавшись дельного мужниного совета, Адель избрала, как ей казалось, меньшее из двух зол и с тяжелым сердцем наняла для дочки квартирку поменьше в районе почище. Хагаю все же закинула слово – видаться с сестрой, а если что тревожное заметит, то немедленно донести. Впрочем, памятуя о неизбежной инстинктивной антиродительской солидарности детей, Адель не слишком уповала на исполнение просьбы.

Яара давно уж не сердилась на Цвию, хоть та в прежние годы и избегала сестры. Яара не осуждала ее за эксцентричный вызывающий выбор, и душа старшей не болела за судьбу младшей. Сестра – не мать. Ужасно хотелось встретиться с Цвией, послушать, что расскажет, узнать неведомую обжигающую правду из первоисточника, а не из назидательных родительских уст.

“Как славно жить вдали от материнского ока! – думала Яара, - но как встретиться с Цвией? Навестить ее? Показать в том квартале? Это немислимо!” Яара попросила помощи у высокоученого брата, однако, Хагай сослался на занятость, мол, не досуг ему потакать бабским капризам. Истина крылась в его опасении за собственный неосторожный язык. Он остерегался всякого лишнего слова, касающегося его непреходящего интереса к заведениям известного рода. Однажды он уж проговорился отцу, теперь не доставало только, чтобы женская половина семьи узнала секрет!

Все же Яара повидалась с Цвией. Вызвала ее письмом. Сошлись на нейтральной территории, в кафе в центре Марса. Сестры обнялись, облобызались. Беседа не клеилась, и хватило ее на одну чашку кофе. Цвия рассказала, что продлила контракт с Омером. Она скупилась на слова. Хоть и младшая, но она чувствовала себя много старше Яары. Не хотела бросать семена еретизма в чистую душу, ибо кто знает, вдруг взойдут они, и еще одна вина перед семьей ляжет на сердце. Потому уклонялась от ответов на откровенные вопросы. Жалела мать с отцом, расспрашивала о маленьком Амуре. Прощались с поцелуями, нежно утирали друг другу слезы.

В первый же день занятий Яара нашла себе подругу. Девушка из рая, бывшая земная праведница. Звали ее Малка. Да, да – это наша Малка!

Раз в Кампусе адаптации проводился конкурс рисунка. Чтобы встряхнуться от однообразия зубрежки марсианского языка, Малка намалевала что-то фантастическое на нескольких прямоугольниках картона и сразу забыла об этом. Высокое жюри состояло из художников Высшей школы изящных искусств. Работы Малки произвели подлинный фурор. “Талант первозданный, нетронутый муштрой, но огромный и самобытный! – заявил председатель жюри, он же директор школы, - если она пожелает учиться, мы возьмем ее к нам без вступительных экзаменов и освободим от платы за учебу!”

Вездесущая Ципора поздравила Малку с победой в конкурсе и заявила, что будет безумием отказываться от предложенного шанса. Малка не подозревала в себе призвания к искусству и никогда не мыслила себя в роли художницы. Слишком часто искра Божия скрыта в безвестности. Лауреатка не сразу смогла оценить значимость выпавшей на ее долю удачи. Однако, здраво поразмыслив, она решила, что в ее положении стоит воспользоваться случаем. К радости Ципоры и художественной общественности планеты Малка приняла предложение. Пройдя до конца путь адаптации, она перебралась в Марс и поселилась в общежитии студентов.

Яара и Малка понравились друг другу и крепко подружились. На занятиях садились рядом. После лекций подолгу щебетали, гуляя по парку. Как водится, рассказывали о себе, обсуждали преподавателей, да и товарищей и товарок по студенческой скамье не обходили вниманием. Разве мало предметов, о которых могут болтать меж собой две молодые девицы? Яара необходимо поправляла Малку, когда та делала ошибки в разговоре. Она, коренная марсианка, взяла недокучливое шефство над новенькой. История уроженки Земли была много богаче событиями, чем ординарные детство и юность Яары, однако, Малка открывалась мало, предпочитая поддерживать покровительственный статус-кво. “Как бы досаду не пробудить: кто завидлив, тот и обидлив!” – думала она. Ну, а исключительное дарование подруги Яара успешно уравновешивала лучшим знанием марсианской жизни. Средние способности – источник не восхищения, но пользы. И все же выученность завидует таланту.

3

Курс рисунка студентам преподавал молодой лектор и художник Надав. Когда этот высокий и худой человек с пышной шевелюрой впервые появился перед студенческой аудиторией, женская ее часть моментально обратила внимание на важнейшие детали: одет неряшливо, голова не чесана, два-три дня не брит, обувь грязная, брюки мягкие, говорит нескладно, глаза умные и задумчивые. Что можно подумать о таком экземпляре? Возможно, большой талант, а то и философ в живописи.

Занятия с ним не отличались увлекательностью, но начитанная Яара распознала оригинальный ум, а в рисунках его, даже в учебных примерах, заметила небанальные ходы. Она поделилась своими наблюдениями с подругой, но та пока не умела различать нюансов, ей все было внове. Во время занятий Яара задавала вопросы, и польщенный Надав охотно отвечал. Как увлеченный творец, он ценил внимание к своему предмету, однако, по этой же причине не мог разглядеть другую сторону интереса.

Надав предложил Яаре обсуждать проблемы рисунка во внеурочное время. Девушка зарделась, гордясь осуществлением тайного желания. На консультацию с Надавом подруги пришли вдвоем. Малке этот человек казался слишком странным. Яара пока не воспитала в подруге умение ценить бескорыстную увлеченность, а на Земле такое чудо Малке не встречалось. Через несколько совместных бесед Малка пришла к заключению, что ее роль хранительницы

нравственности сыграна до конца и устранилась. Благодарная Яара оценила сообразительность и прониклась к подруге новым теплом.

Яара и Надав продолжали видеться в его художественной мастерской. Малка немного грустила над утратой безраздельного внимания товарки, но что тут поделаешь? Диктуемые сердцем приоритеты приходится принимать. Зная женскую проницательность, Яара старалась на лекциях Надава не выдать жгучие факты неловким словом или взглядом. Приятно разгадывать других, а не самому быть разгаданным. Она преуспела в скрытности и этому же выучила своего кумира. Вместе с другими студентками она изумлялась произошедшим с преподавателем отрядным переменам – короткая аккуратная стрижка, гладко выбрит, брюки со стрелочкой, новые и всегда чистые ботинки и так далее. Охотно присоединялась к общему обсуждению – не иначе, наставник влюбился!

4

Учитель и ученица бесконечно говорили об искусстве, о жизни, о самих себе. На рабочем столе Надав сдвигал в сторону кисти и краски, символически проводил тряпкой по освободившемуся пространству и ставил кофейник и две чашки. Встречи начинались разговорами и ими же заканчивались. На Марсе события этого рода развиваются неспешно, огня хватает лишь для того, чтобы вскипятить воду для кофе. Вечером Надав брал извозчика и провожал Яару до ее маленькой девической обители, нанятой беспокойной мамой.

- Что ты думаешь о нашей марсианской живописи? – спросил как-то Надав.

- Я пока ищу свое место в ней. Я не знаю, как ответить на твой вопрос. Но я уверена, у тебя есть новые идеи, - заметила Яара.

- А что думает твоя подруга? Должно быть, на Земле многое иначе?

- Она не интересовалась искусством в прежней жизни, полагаю, ей нечего сказать, - ответила Яара, не слишком довольная тем, что Надав вдруг вспомнил о Малке.

- Пусть так. Я о себе скажу. Мне наша живопись кажется бедна. Городские и сельские пейзажи, натюрморты, идиллические сцены с людьми, геометрические фигуры, орнаменты и снова пейзажи.

- А что же может быть еще? Я не представляю себе...

- Люди, как ты знаешь, живут не вечно. От чего они умирают? От старости, от болезни, от горя, от счастья. Но они не гибнут от человеческой руки! А разве нельзя представить, что человек убьет другого человека? Если на Марсе такое не случается, то разве это невозможно? А ведь за убийством стоят ненависть, геройство, торжество – вдохновляющие гимны искусства. На картинах наших нет борьбы, войны, крови. Живопись марсианская ущербна!

- Я прежде не думала об этом...

- Разве только цветы да камни прекрасны? А человеческое тело – женское и мужское – это ли не источник наития? Нигде ты не найдешь обнаженную натуру! Эротика должна быть упругой пружиной живописи и скульптуры, вечным двигателем воображения! Но нет сего! Я спрашиваю, чем полнятся сердца художников и головы публики? О, причина здесь не в ханжеской морали, тут что-то похуже. Я не знаю в чем дело, но, пожалуй, не искусство марсиан ущербно, а души их!

Поворот беседы в сторону обнаженной натуры и эротики был, несомненно, волнующ и интересен, но показался Яаре преждевременным.

- Надав, я рассказывала о себе. Немного, правда, но история моя заурядна. Хотелось бы услышать о тебе.

- Изволь, я не таюсь, хоть и гордиться нечем. Я рос наполовину сиротой. Родители мои – люди необразованные, черствые и алчные. Я не люблю ни отца, ни мать...

- Что ты говоришь такое, Надав? Это правда?

- Увы. Я родился нежеланным ребенком. Мой старший брат был в лучшем положении и удостоился крох любви. Я воспитывался в семьях бабушек с обеих сторон. Детство дотягивал в приюте. Не откройся у меня талант, не знаю, что случилось бы со мной. Все-таки я вырос человеком, хоть некоторые меня таковым и не считают...

- Как ужасно, Надав! Неужели такое возможно?

- И не такое возможно! Яара, ты не слышишь шорохов за окном?

- Минутку! Нет, все тихо.

- Подойди поближе на цыпочках.

- Сейчас. Нет, ни звука.

- Это отец и мать. Они следят за мной. Тебя услышав, они скрылись, но они были тут.

- Зачем им нужно следить за тобой? - в испуге спросила Яара.

- Они хотят украсть мои картины. Надеются заработать на этом.

- Ах, Надав, у тебя был тяжелый день, ты переутомился. Пожалуй, я пойду домой, а ты отдохни, выпишись хорошенько.

- Хорошо. Я прежде провожу тебя.

Яара долго не могла уснуть, ворочалась в постели. “Как верить странным речам его? – мучалась она вопросом, - что-то нереальное в них!” Тревога поселилась в сердце.

ГЛАВА 8

Благодаря счастливой случайности Херонимо удалось здесь возобновить свои встречи с возлюбленной, и однажды в глухую ночь монастырский сад сделался местом его совершенного счастья.

Генрих фон Клейст, “Землетрясение в Чили”, перевод Г. Рачинского.

“Кружка да плошка” – так именовалась одна из харчевен в рабочем квартале Марса. Беспритязательное название, немудреная пища, простецкая выпивка. Работяги спускались в

полуподвал, привычно брали глиняные миски и ложки с этажерки у стены, подходили к котлу, наполняли каждый свою посудину и занимали место у столов. Хозяин с сыном разносили пиво. В день зарплаты посетители позволяли себе вино. Курение не запрещалось. Утром и в обед “заправлялись” быстро, по вечерам гости засиживались допоздна. Насытившись, пели хором, не вставая с мест и обхватив друг друга за плечи. Алкоголь не пробуждал агрессивность, редкие ссоры оканчивались взаимными пьяными покаяниями, а драки отродясь не случались.

Завсегдатаем в “Кружке и плошке” был знакомый нам Георгий. Впрочем, как и в раю, странное его имя не приживалось, и вновь его величали Гиора, и мы теперь будем поступать так же. Он трудился на постройке железной дороги и должность имел не слишком высокую – разнорабочий. В незатейливом этом трактире, однако, снобизм не водился, и любого наймита почитали собратом по труду, и каждый платежеспособный гость пользовался любовью хозяина.

За простыми дощатыми столами кормились и веселились все больше молодые да холостые мужчины. Поэтому связанные с противоположным полом истории занимали прочное место в эпицентре бесед. Неизбежное хвастовство и сопутствующий пересказ впечатлений дополнялись обменом полезными сведениями.

Харчевня насыщала как коренных марсиан, так и выходцев из рая – в прошлом уроженцев Земли. Надо заметить, что вторая категория не только составляла добрую четверть посетителей “Кружки и плошки”, но и являлась заметной прослойкой среди рабочего люда Марса. Образованные, подобно Гершелю, ловкие, на манер Айзика, даровитые, вроде Малки – сходу примыкали к сердечке марсианского общества. Простые, как Гиора, терялись на его пролетарской периферии. Впрочем, в делах адаптации душевное состояние поважнее талантов и послужного списка.

Непреходящее мрачное настроение Гиоры, почти депрессия – вот камень преткновения на его марсианском пути. Даже идиллия рая не уничтожила боевой дух в сердце храбреца. Гиора всю свою молодость бился с негодяями, оскорблявшими и унижавшими его народ. Он будил мужество в робких и главенствовал над смелыми. Он бывал бит, залечивал раны и снова бросался в бой. В Божине иудеи составляли половину населения. Вторая половина щедро давала первой поводы для отчаянной защиты своего достоинства. Гиора погиб в одной из схваток за честь соплеменников. Попав в рай, он гордился делами не напрасно прожитой жизни и любил героическую смерть свою.

Так был устроен Гиора. Душа его требовала борения и войны, драки и кулаков, ликования побед и досады поражений. “Марсиане – сущие амебы! - рассуждал Гиора, - разве не живут здесь люди разных религий? Или нет пропасти между богатством и нищетой? Так где же вражда, битвы, потасовки, мордобой, наконец? Как явлю я природную мою воинственность? Как вновь стану героем? Неужели судьба назначила мне до конца дней укладывать шпалы одну за другой да одну за другой, и это всё, что ждет меня впереди?”

Гиора вспоминал рассказ ангела Михаэля о втором творении Господа. Дар Каина был принят, и в сердце его не возгорелись зависть и злоба, и он не убил брата Эвея и не влил в жилы потомков бальзам страсти к убийству. Вот корень зла! На Земле повелось думать, мол, без борьбы нет и убийств. А на Марсе открылось, что без убийств нет борьбы!

От доброжелательных сотрапезников Гиора узнал о квартале красных фонарей в Марсе. Его заработка вполне могло хватить на достаточно частые посещения излюбленного места марсианских холостяков. “А чем я хуже? – задал он сам себе легкий вопрос, - марсианки, вероятно, особы холодные, но ведь впотымах и гнилушка светит...”

Задуманное Гиорой начинание не сулило ему, как он полагал, великого переворота в душе, но и капризничать было бы нелепо. Принимая вещи абсолютно необходимые, мы вынуждены не замечать их несовершенства. Гиора не знал, что первое его паломничество в романтические места станет шагом к перелому в судьбе.

По рекомендации товарищей Гиора отправился в заведение Омера. Новых клиентов встречали особенно ласково. Горничная проводила его в общую залу. Как просто и в то же время изящно вокруг! Обычное для новичка смущение разом испарилось. Четверо музыкантов играли незнакомую танцевальную мелодию. Несколько пар медленно двигались под музыку. Гиора расположился за столом. Официант принес прохладной лимонной воды, предложил карточку меню.

Столы предназначались для двоих. Напротив Гиоры уселась девушка.

- Меня зовут Цвия! – представилась она.

- Очень приятно, а я Георгий!

- Какое забавное имя! Не возражаешь, если я буду говорить “Гиора”?

- Конечно, Цвия! Меня так и называют здесь, и в раю Гиорой величали!

- В раю? Значит, ты умер на Земле, прошел через рай и теперь оказался у нас на Марсе?

- Верно, Цвия, я прошел через рай.

- Как интересно! Расскажи о себе!

И Гиора принялся излагать Цвие свою историю. При этом во все глаза глядел вокруг. Сейчас самое время признать, что он и на Земле кое-что знал о подобных заведениях. Да что греха таить, не просто знал, а даже посещал с простосердечной целью. В благопристойном провинциальном Божине такой стыдобы не сыскать, но ведь он и в столичных городах побывал!

“Какая фантастическая разница! – размышлял Гиора, - кругом чистота, ковры не усеяны окурками, не слышно нецензурной брани, девушки не покрашены, как клоуны в цирке, и глядят друг на друга беззлобно. Цвия не просит поминутно угостить ее вином, и не она бубнит мне небылицу о своем падении, а я выкладываю ей правдивую повесть моего взлета. Нельзя не признать справедливости ради – все же есть на Марсе урочища отдохновения души!”

Приятный непритязательный разговор продолжился в комнате Цвии. Не будем считать часы, проведенные нашими героями наедине. Они вышли со счастливыми лицами.

Пережитое Цвией упоение, казалось, оглушило ее. Она стала вспоминать давнее письмо родителям в начале своей неординарной карьеры. Она полагала, что никогда не найти ей горячего мужского сердца, но вот возник Гиора! Он не наш, он с Земли свалился – ну и что? Совсем не важно, с какого берега пришла любовь! Но все запутано, и контракт с Омером нерасторжим.

В первый раз на этой планете герой наш познал подъем духа. Надолго ли? Высотою с гору огромные волны любви, но не под силу ей одной заполнить мужскую душу целиком и навсегда. Однако, сейчас, пока не улеглись еще высокие валы, Гиора не станет думать о других бурях.

Цвия и Гиора назначили новое свидание. Он направился к выходу. К нему навстречу вышел нарядный хозяин заведения.

- Я – Омер, владелец пансиона. Прошу пройти ко мне в кабинет.

- Меня зовут Георгий, но я привык к имени Гиора. Рад знакомству.

- Присаживайся, Гиора. По твоемуговору я сразу понял, откуда ты к нам явился. Не правда ли, у нас совсем не худо?

- О, да! – ответил Гиора и почему-то слегка покраснел.

- Тебе понравилась наша Цвия?

- Да, Омер! – кротко ответил Гиора и покраснел основательно.

Омер хотел было привести комплиментарные отзывы клиентов в адрес девушки, но вовремя одумался, вспомнив, какое ужасное впечатление на ее мать произвела его неуместная любезность.

- Цвия выросла в прекрасной семье, ее отец профессор и важный чиновник, мать – успешная предпринимательница.

- Я рад это слышать, - не кривя душой, промолвил Гиора.

- Сейчас я перехожу к другому предмету. Ты, Гиора, должно быть, рабочий?

- Да, я тружусь на постройке железной дороги.

- Я уверен, от твоего взгляда не ускользнула царящая у нас приверженность к чистоте!

- Разумеется! Чистоплотность – это почти благочестие!

- Мы превратили порядок в универсальную норму, охватывающую все стороны существования пансиона. Наши гости, к числу которых, я надеюсь, будешь теперь принадлежать и ты, приходят к нам в своей лучшей одежде.

- Но... ведь... э-э-э...

- Не смущайся, дорогой Гиора. У нас абсолютно демократические устои. Мы не делаем различия между толстосумом и пролетарием, мы любим всех наших гостей. Но и традиции свои мы бережем. Поэтому я вручаю тебе вот этот билет. По указанному в нем адресу ты сможешь посетить магазин выходной одежды, где приобретешь за половину цены и с рассрочкой достойный костюм. Вторую половину платит наше заведение.

- Спасибо, Омер, - сквозь зубы процедил гордый Гиора, и ему захотелось смять билет и швырнуть его в лицо хозяину, но это означало бы потерять Цвию. Самолюбие заносчиво и слепо, но протискивается в любую щель.

- Визит к нам стоит двести песо. Первое посещение – бесплатное. Если ты пожелаешь, то сможешь купить абонемент на месяц, на полгода или на год. Это выйдет дешевле.

- Благодарю, - сухо сказал Гиора.

- Мы тебе рады и всегда ждем! – закончил беседу Омер.

ГЛАВА 9

Всякая наука основана на наблюдениях и опытах, произведенных посредством нашего психического аппарата... Любой, кто глубже вникнет в нашу работу, обнаружит, что наша методика способна выдержать любую критику.

Зигмунд Фрейд, “Абрис психоанализа”, перевод с английского издания А. Хомик.

1

Завершился учебный год, сданы экзамены, и студентов распустили на каникулы. Родители ждали Яару дома в Зюдмарсе. Оставлять Малку одну в огромной столице Яара посчитала недружелюбием по отношению к подруге. Адель и Итро с радостью согласились принять обеих девиц. Хагай соскучился по отцу с матерью и приурочил свой краткий отпуск к тем же дням.

Знакомое шоссе, вдали фруктовый сад – он как будто разросся – красная крыша дома, зеленая живая изгородь, счастливые лица родителей. “Яара, Яара приехала!” – что есть силы завопил маленький Амир. Девушки вышли из кареты. Яара расцеловала мать и отца, Амир, не дожидаясь ласк, сам бросился на шею к сестре.

- А это кто? – бойко спросил мальчик.

- Знакомьтесь, моя подруга Малка, я писала о ней! – представила Яара спутницу.

- Очень приятно, я – Итро, отец Яары, а это – Адель, ее мать и моя жена.

- Пройдемте в дом, девочки, для начала отдохните с дороги, - пригласила Адель.

Амир дал одну руку сестре, другую – Малке, и они втроем зашагали по ступеням широкой лестницы. Сзади шествовали родители. Улучив минуту, Итро случайно и внимательно поглядел на Малку, потом перевел взгляд на жену и опустил глаза. Адель украдкой и проницательно взглянула на нее, покосилась на Итро и тихо вздохнула.

Подошло время обеда. Пока рассаживались за столом, послышался топот копыт. “Ура, это Хагай!” - вскричал Амир и первым бросился встречать старшего брата. За ним последовали Яара и мать с отцом. Малка в нерешительности тоже сделала несколько шагов. Хагай степенно обнял отца, сдержанно поцеловал в лоб мать и сестру, подкинул вверх братишку и устоялся на гостью. “Это Малка!” – пропищал Амир. Скупую информацию ребенка дополнил Итро. Молодой человек отвесил легкий поклон, а девушка чуть покраснела. Бдительное материнское око не оставило без внимания невинную сцену.

- Я не устал с дороги и зверски голоден! Что на обед? – без лишних церемоний гаркнул вновь прибывший.

- Терпение, братец – и все узнаешь! – ответила Яара.

- Научная работа впрок, - заметила Адель, - в детстве ты, дружок, не блистал хорошим аппетитом!

- Да, мама! Работа, наука, столица, - воскликнул Хагай, потирая руки, - тянуть нечего, пусть скорее подадут на стол – вся семья собралась!

- Хагай! – осадил сына раздосадованный отец.

- Оставь его, Итро, он не хотел нас огорчать, - проговорила Адель, проведя платком по глазам.

- Я сожалею, прошу извинить... – пробормотал Хагай.

- Мы не сердимся, сынок... - примирительно произнесла Адель, - а ты сиди тихо, не ерзай и не таращи глаза! – прикрикнула она на Амира, дабы вернее унять начинавшуюся было бурю в душе.

Обед подвигался неспешно и солидно, перемена за переменной – Адель постаралась к приезду детей. Ненароком вышло так, что Хагай сидел напротив Малки. Возможно, он был словоохотливей обычного. Впервые его видевшая, она не могла об этом судить.

Кухарка водрузила на стол свое лучшее произведение – седло барашка. Божественный аромат заставил желудки забыть обо всем съеденном до этого момента. На большом блюде дымилось окруженное овощами мясо, сверкала зелень, золотился рис.

- Ты знаешь, Хагай, - обратился Итро к сыну, - мама не очень-то хотела готовить мясное блюдо, потому что...

- Позволь мне самой сказать, - вступила в разговор Адель, - распространена точка зрения о греховности употребления в пищу мяса, так как недопустимо убивать животных. Я почти солидарна с этим мнением.

- На Земле тоже бытуют такие воззрения, но их придерживается меньшинство, - осмелела Малка и от галантного соседа напротив приняла на свою тарелку аппетитный кусочек из серединки, ломтик помидора, немного риса и ложку соуса.

- А что говорит нам психиатрическая наука? – полушутя спросил Итро, - не травмирует ли психику человека факт лишения жизни братьев меньших?

- Представь себе, папа, - начал Итро, щедро перекладывая румяное чудо кулинарии с общего блюда на свое, - мои коллеги всерьез рассматривали эту проблему. Они пришли к выводу, что убийство бессловесных тварей безнравственно только на охоте. Употребление же в пищу мяса домашнего скота и птицы приемлемо, а сострадание к объектам нашего пропитания – надуманно. Животных следует щадить не ради них самих, а ради людей – прежде всего детей – оберегая их от созерцания жестоких сцен. Поэтому умерщвление должно быть гуманным.

- Слишком много слов, Хагай, мясо-то стынет! – бросила Яара.

- Няня, - позвала Адель, - уложи, пожалуйста, Амира спать, он клюет носом.

- Кстати, о науке, папа, - воскликнул Хагай, - скоро состоится заседание Академии, будут прочитаны доклады по разным направлениям, и я тоже делаю сообщение. Вы с мамой получите приглашения от администрации. Нас почтят своим присутствием виконт Ярив с супругой Бертой. А вас, Яара и Малка, приглашаю я.

По завершении трапезы состоялась процедура послеобеденного моциона в саду. Хагай шел с девушками, а Итро и Адель плелись сзади. Вскоре Итро посчитал уместным составить компанию молодым. Адель удалилась в свои апартаменты. Она не могла объяснить себе, чем не понравилась ей Малка. Казалось, эта девица принесет зло в семью. Но разве можно говорить с Итро о предчувствиях – засмеет!

2

Молодежь вернулась в Марс к своим занятиям. Яара сумела устоять против невинно-проникновенных материнских вопросов и не разболтала о своей дружбе с Надавом. Малка заняла определенное место в рациональном мозгу Хагая. Иными словами, он увлекся девушкой, и его образ действий без преувеличения можно было назвать ухаживанием. Малка таяла: как ни восхитительна любовь, а внешние ее проявления еще прекраснее. В редкие свободные от работы минуты, Хагай как врач, как сердцевед, как мужчина, наконец, прямо и откровенно говорил себе: “Довольно, парень, шляться в квартал красных фонарей! Дорога к научным успехам вымощена добротными булыжниками стабильности и гигиены!”

Имели место прогулки по вечернему Марсу, посещения кинематографа и театров, беседы об искусстве и о врачевании, неприятательные разговоры на темы житейские. Процесс взаимного познания душ протекал успешно и двигался к оптимистическому финалу.

Наступил день конгресса в Академии наук. Виконт Ярив с супругой Бертой и Итро с Аделью сидели в первом ряду среди почетных гостей. Яара и Малка заняли скромные места на галерке. Были прочитаны несколько интересных докладов в различных абстрактных и прикладных областях марсианской науки. Одному из последних предоставили слово Хагаю – начинающему пытливному исследователю и практикующему врачу-психиатру.

- Уважаемые дамы и господа, - начал выступление Хагай, - позвольте мне кратко, в тезисной форме, представить вашему благосклонному вниманию некоторые новые теоретические положения психиатрической науки. Толчком к исследованиям послужили работы моего отца. Нам потребуются сравнительное рассмотрение ситуации на Марсе и на Земле. В заключении я коснусь практических перспектив будущего. Я отмечаю бесценную финансовую и моральную поддержку виконта Ярива.

- Прежде всего, я напомним, что творения Бога на Земле и на Марсе различились двумя моментами – деяниями Хавы и Каина. Просвещенная публика сей аудитории, безусловно, осведомлена о различиях, и нет надобности останавливаться на общеизвестном.

- Господь справедливо утверждал в отношении человека Земли, что душа его изначально пропитана злом. Воспитание привносит уравнивающий антипод, то есть добро. Обе субстанции сосуществуют в человеке, ведут борьбу, и меж ними устанавливается статус-кво, порой нарушаемое в пользу одной из них. Так полагают тамошние мудрецы. Но в марсианских головах характер сосуществования зла и добра пока до конца не ясен.

- Деяние Хавы – поедание плода с дерева познания добра и зла – и деяние Каина – убийство им брата Эвеля – породили и закрепили в душах землян определенный баланс противостояния злого и доброго начал. На Марсе Хава и Каин вели себя не так, как на Земле. Результатом явилось, во-первых, ослабление обоих начал, и притупление борьбы между ними, а во-вторых, смещение равновесия в пользу добра.

- Казалось бы, следует приветствовать такой ход событий. Однако, по мнению части ученых, марсиане оказались в невыгодном положении в сравнении с землянами. Причину этого усматривают в том, что свойственный нашим соседям по вселенной вкус к похоти и убийству,

как следствие деяний земных Хавы и Каина, порождает не только зло, но и добро – страстную любовь, героизм и многое другое. Эти положения изложены в трудах моего отца.

- Свою цель, как теоретика и врача-психиатра, я вижу в выяснении влияния особенностей марсианского творения на психику наших людей, а также в разработке новых методов лечения на основании добытых знаний.

- Ослабление накала борьбы фундаментальных внутренних импульсов – зла и добра – по сравнению с заложенным природой стандартом, порождает психологический эффект перманентного напряжения духа. Это обстоятельство повышает риск умопомрачения, отягощает его протекание и затрудняет лечение. Дефицит злого начала создает пространство душевной пустоты, которое в патологических случаях заполняется неадекватными фантазиями или бредом. Образно говоря, ум есть равновесие душевных сил, безумие – нарушение оного.

- В настоящее время для лечения душевнобольных применяются лекарственные препараты. Они ликвидируют симптомы, но не саму болезнь. Развиваемый мной метод исцеления основан на доверительных беседах. С помощью разработанной техники опроса больного, удается выяснить скрытую в подсознании конкретную причину диссонанса в его душе. Когда подоплека извлекается на поверхность и осознается пациентом, то в мозгу его исчезают бредовые фантазии, а напряжение снимается. Эффективность врачевания подтверждается отсутствием рецидивов болезни.

- У метода есть два недостатка. Во-первых, требуется преодолеть естественное и неосознанное сопротивление больного, побудить его к раскрытию сокровенных тайн. Результат достигается мастерством психиатров, но, к сожалению, не каждому из них удастся овладеть искусством вести беседу с больным. Во-вторых, процесс лечения длителен, а, значит, дорог. Благодаря щедрой финансовой помощи властей и виконта Ярива, количество умелых врачей растет, а больничный бюджет поощряет развитие практики и теории. На этом, уважаемые дамы и господа, разрешите закончить. Благодарю за внимание.

3

Малка испытывала гордость за своего друга. Успех увлекает. “Я бы хотела посмотреть, что представляет из себя сумасшедший дом, в котором ты работаешь!” – заявила она ему. “Не сумасшедший дом, а психиатрическая больница!” – назидательно поправил Хагай.

По дороге он сообщил Малке несколько важных вещей, которые, по его мнению, должны были и ей казаться таковыми.

- У нас на Марсе кроме психиатрии весьма развита кардиология, - заметил Хагай, - напряжение, о котором я говорил в докладе, поражает не только дух, но и сердце. Больной инстинктивно противостоит чрезмерной нагрузке на нервные центры при помощи постоянного лицемерия, и несправедная борьба не проходит бесследно.

- Странно весьма, - возразила Малка, - народ на Марсе рациональный, люди не ведают сильных страстей, губящих сердце...

- Верно! Особенности нашей действительности разнонаправленно влияют на сердечно-сосудистую систему, но результирующая сила неблагоприятна.

- А отстающие области медицины есть на Марсе?

- Есть. За малостью практики слаба травматология – крайне редки раны и травмы.

Хагай и Малка вошли в здание больницы. Просторные коридоры были полны пациентами, вернувшимися с ужина. Одни курсировали взад и вперед с сосредоточенными лицами, другие отдыхали в креслах. Погруженные в себя, больные не общались друг с другом. За столом сидела полная молодая женщина маленького роста. Перед ней лежала раскрытая тетрадь с детскими картинками для раскрашивания. Она увлеченно орудовала цветными карандашами. Вдруг женщина вскочила на ноги, бросилась на пол, схватилась за живот и огласила помещение криками “Мне плохо, мне плохо! Помогите!” Малка испугалась, отпрянула. “Сестра даст ей снотворное!” – успокоил спутницу Хагай.

Высоченный детина периодически приседал на корточки, закрывал глаза, прятался за спинку кресла и сообщал таинственным голосом: “Меня здесь нет, ищите!” Малка невольно засмеялась: “Да ведь его же видно – голова-то выглядывает!” Хагай заметил с укоризной: “Здесь не смеются над больными!”

За полчаса до отхода ко сну сестры выкатили в коридор этажерку, уставленную лекарствами. Пациенты с наполненными водой кружками привычно выстроились в очередь. Они по одному подходили к сестринскому посту. Каждый получал прописанное ему снадобье и отпивал из кружки. “Открой рот!” - командовала сестра. Больной послушно выполнял приказание, показывая, что таблетки проглочены, а не спрятаны за щекой.

- Грустное зрелище, не так ли? – заметил Хагай.

- Ты, кажется, говорил, что таблетки не применяешь?

- Это не мои больные. Таких у нас меньшинство. Пойдем ко мне в отделение.

- А ты покажешь мне своих пациентов?

- К сожалению, нет. Они живут каждый у себя дома, а ко мне приходят на прием. Наши беседы ведутся строго с глазу на глаз.

4

- Это твой кабинет? – спросила Малка, входя в скромную комнатку.

- Да. Сейчас я приготовлю кофе.

- Мне кажется, что ты не во всем согласен с отцом.

- Ты права. В отличие от него, я полагаю, что марсианская рассудочность предпочтительнее разгула земных страстей. Правда, мы платим за наш рационализм психическими болезнями, но ведь они поддаются лечению!

- А мне ближе воззрения Итро и по сердцу деяния наших земных Хавы и Каина, а не ваших, марсианских. Без жажды любви и крови мужчина не совершит подвигов во славу женщины, а она не полюбит его за доблесть. Нищета чувств!

- Кто знает, где истина, и есть ли она? Дай Бог землянам марсианскую терпимость к инакомыслию...

- Если дама уронит перчатку на арену сражения диких зверей, осмелится ли влюбленный марсианин вернуть избраннице утрату?

- Уронит или намеренно швырнет? Глупость одной и доблесть другого. Не равны ли эти свойства меж собой? На Марсе не популярны варварские зрелища, а женщины гуманнее голодных хищников!

- Возможно! – вымолвила Малка и бросила уважительный взгляд на Хагая, - а скажи-ка, друг мой, найдется ли на Марсе муж, столь вдохновленный благосклонностью любимой, чтобы ради высшей справедливости в одиночку вступить в жестокий и неравный бой с воинством великанов?

- Несомненно, найдется. Думаю, его место у нас, в отделении, которое ты наблюдала сегодня!

- Я стою за непрагматичность чувств...

- Я понимаю женское твое сердце, Малка, но сомневаюсь в прочности его ратований. Взгляды временем колеблемы. Мои академические коллеги-лингвисты предложили новое слово в марсианском языке – “зугиют” – для обозначения взаимоотношений двух людей. Это и супружество, и свободная любовь, и дружба, и гомосексуальный союз, и связь учителя с учеником, и диспут двух мудрецов, и так далее, и так далее, и так далее.

- Подумаешь, изобрели слово!

- Не пренебрегай! Войдя в широкий научный и бытовой оборот, слово “зугиют” оказало влияние на нравы. Утверждение одной из конфессий, что “вначале было слово”, походит на мистику, но ничего не поделаешь – надо соглашаться! Ибо зугиют есть не только новое слово в языке, но и новое слово в морали. Преодолеваются предрассудки, меняются критерии, раскрепощаются отношения, легитимизируется свобода.

- Как мудрёно...

- Все просто. Главное состоит в том, что разумное, вечное и целесообразное одолевает нелепое, преходящее и бесцельное!

- Есть над чем подумать!

- Дорогая Малка! Подумай еще кое о чем.

- О чем? – встрепенулась Малка.

- Ты нужна мне, будь мне женой! – выпалил Хагай заготовленную фразу и порывисто сжал ее руку в своей.

Малка вспыхнула. Теплая волна затопила душу. Она ждала предложения рано или поздно. “Но такая неромантическая обстановка вокруг – жалкий кабинетик начинающего ученого! И какие постные речи предшествовали решительным словам! И не сказал, что любит. А ведь он – положительный парень. Красивый. Перспективный. Несомненно, верный. А я кто? Бесприданница, без роду без племени. Наверное, все-таки любит. Сказать не умеет. Или боится не угодить своей рациональности. Прав он – не тверды ратования сердца моего...”

- Ты предлагаешь мне зугиют, Хагай?

- Э-э-э-э...

- Я согласна...

5

Адель настояла на свадьбе скромной, нешумной – невеста непрезентабельна. Цвия прислала поздравление по почте. Молодые наняли квартиру в центре Марса. После медовой недели Хагай вновь углубился в работу, Малка вернулась к учебе, и потекли супружеские дни и ночи. Решено было не спешить с потомством. Меры в этом направлении хоть и не согласны с догматами, но толкователи в марсианском царстве благоразумия творят чудеса.

ГЛАВА 10

*Пусть будущие славят поколения
Нас за труды, тебя – за вдохновенье.*

У. Шекспир, “Сонет 38”, перевод С. Маршака.

1

Яара радовалась женитьбе брата. “Повезло Хагаю, - думала она, - Малка замечательная девушка – добрая, умная, будет ему верной женой. Образцовая пара!” Хотя и грустно было отчасти: окунется Малка с головой в новую жизнь и забудет подругу. “Конечно, я не одна, со мной Надав, но разве существует на марсе такое чудо, что заменит бесценную женскую дружбу?”

Яара иной раз навещала брата и подругу в их обители. Она замечала несовершенства. Увлеченный работой Хагай обычно задерживался в больнице по вечерам и слишком мало времени оставлял для молодой жены. Правда, и студенты не избалованы досугом. Однако от пронизательных взглядов гости не укрывалось неординарное отношение молодоженов к скудости совместных часов. Яара напрасно опасалась угасания дружбы, Малка не перестала тянуться к ней, вот только откровенных бесед избегала. “Это нехорошо, - решила про себя Яара, - наверное, не хочет обижать меня, критикуя Хагаю. А если так оно, то для недовольства есть у нее причина, может, мнимая. Видно, не зря люди говорят, мол, бери жену ровню!”

Принимая во внимание бытовую неумелость новобрачных, Адель наняла для них приходящую горничную на двенадцать часов в неделю. Она и сама стала навещать в Марс и не одна, а с Итро. Последний проявил необыкновенный интерес к разрабатываемым Хагаем новым методам лечения. Пока отец дожидался возвращения сына из больницы, коротая время за беседой со снохой, Адель навещала Яару. Мать заводила наводящие разговоры, но бдительная дочь таила шило в мешке.

2

Встречи Яары и Надава становились чаще, а предметы разговоров касались уже не только тем искусства, но соскальзывали, порой, к вещам простым и житейским. Мелкотемье бесед есть добрый знак сближения душ. Как мы уже знаем, некоторые события на Марсе наступают не слишком скоро, но все же они происходят! Свершилось неминуемое между молодыми мужчиной и женщиной, и новый факт эмоционально окрасил их зугиют. Теперь у Яары появилась настоящая тайна, которую она во что бы то ни стало желала скрывать от материнского ригоризма.

- У меня тревога на сердце сегодня, - сказал Надав, - все валится из рук. Смотри, краску пролил на пол. Свари кофе сама.
- Хорошо, милый, - ответила Яара, - но что беспокоит тебя?
- Когда я возвращался домой, я обратил внимание, что некий человек упорно следовал за мной на небольшом расстоянии. Я резко остановился, обернулся и посмотрел на него...
- Вот крекеры, сначала поедим их с хумусом – я принесла! Кофе пусть пока настаивается.
- Спасибо, Яара, какая ты заботливая!
- Я перебила тебя, продолжай, Надав.
- Я сразу узнал этого типа. Он живет по соседству с моими родителями. Они раньше давали ему займы мелкие суммы денег, и теперь он обязан им. Они заставляют его следить за мной. Потом он докладывает им – где и когда я был, в котором часу вернулся домой, на сколько оборотов ключа запер дверь...
- Да зачем это все? – удивилась Яара и вспомнила, как однажды Надав просил ее прислушаться к шорохам за окном.
- Я, кажется, говорил тебе раньше, что родители задумали овладеть моими дневниковыми записями – хотят украсть у меня переворотные идеи и облыжно приписать их старшему брату.
- Мне помнится, ты утверждал, что они замыслили похитить твои картины ради обогащения!
- Я все время думаю об этом, Яара, и я начал понимать, что дело тут не в деньгах. Все гораздо сложнее. Кое-кто хочет, во-первых, причинить мне зло, а во-вторых, прославить брата за мой счет. Да, Яара, есть люди, которые ожесточились против меня. Они верно служат моим недругам-родителям и следят за мной.
- Успокойся, милый. Подумай хорошенько, ведь ты никому не причинил никакого вреда, и поэтому на всем марсе не сыщешь человека, желающего тебе худого. Надав, не забывай, я всегда с тобой!
- Спасибо, Яара, - взволнованно выпалил Надав, - ты верная и добрая душа. Но ты наивна.
- Пусть так. Допивай свой кофе – стынет.

Яара и раньше догадывалась, а теперь и вовсе не сомневалась: Надав нездоров. “Ему кажется, что его преследуют, - рассуждала она, - то нелюбимые родители, то наймиты их. Хотят обокрасть, лишить приоритета. Как он сам не понимает, что все это – сущий бред!”

Сострадание к возлюбленному затопляло женское сердце. Недуг Надава не охлаждал чувства Яары, наоборот, крепил их. Мысль благоразумного отступничества не докучала ей, и она гордилась открытой в себе преданностью.

“Как обходиться с Надавом, когда его одолевают бесы? – спрашивала она себя, - хорошо бы посоветоваться с Хагаем, наверняка он подсказал бы линию поведения!” Но внутренний голос удерживал от обращения к брату и оставлял ее наедине с сомнениями. “В другой раз попытаюсь

доказать Надаву неосновательность подозрений, их нелепость и нелогичность. Да, так я и поступлю, - решила она, - здравомыслящий человек не станет настаивать на заблуждениях и непременно откажется от них!”

- Покажи-ка мне, студентка Яара, свои курсовые работы! – попросил как-то раз Надав.

- Милый, когда ты обращаешься ко мне “студентка Яара”, мне кажется, ты забываешь, что я в твоей жизни занимаю место большее, чем просто ученица!” – надула губы Яара.

- Факты требуют уважения, голубушка! – сказал Надав и примирительно погладил ее по руке.

- Да, факты требуют уважения, - многозначительно заметила Яара и предъявила учителю несколько картонов с рисунками, - вот полюбуйся.

- Недурно! Так рисуют наши художники. У тебя не хуже, чем у других.

- Ты чем-то неудовлетворен?

- Весьма! Но твоей вины здесь нет. Обратила ли ты внимание, Яара, что изображения пейзажей, зданий и улиц, дорог и неба, моря и облаков и так далее, выглядят на картинах двухмерными? Почему до сих пор художественное наше племя не придумало способа создать у зрителя иллюзию пространства? Словно не хватает нам пытливости, любопытства, или ум наш чересчур индифферентен, чтобы сыскать золотую уловку и обмануть плоскость холста?

- Конечно, я заметила это, но не думала, что можно что-то изменить!

- Можно! Я уверен, дорогая! Я работаю над этим. Мои идеи только в зачатке, но я добьюсь своего, и плоская картина обретет объем!

- Как это будет выглядеть?

- Взгляни сюда, здесь мои опыты, - сказал Надав, доставая карандашные рисунки, - ты видишь, что дорога уходит вдаль, а здесь одни облака близко, другие – далеко?

- Верно! Вот здорово!

- Мне еще предстоит найти точку схождения линий и закон изменения размеров!

Как любила Яара такого Надава – кипящего вдохновением, окрыленного планами, подлинного творца! Счастье быть верной подругой великого человека! И не так уж ей важна иллюзия пространства, как то, что их любовь – не иллюзия. “Он говорит замечательно! И не слышать ни какого бреда. Слава Богу, худшее остается позади!”

- Кажется, я совершил непростительную ошибку, Яара! – воскликнул Надав, и лицо его помрачнело, приняло знакомое ей отчужденное выражение.

- В чем дело, милый? – насторожилась Яара.

- Сейчас я имел неосторожность вслух сообщить тебе о своих изысканиях...

- Ты мне не доверяешь?

- О, только тебе и доверяю! Беда в том, что сегодня утром я видел того мужчину, помнишь, соседа моих родителей, что следил за мной. Этот человек держал в руках особую слуховую трубку. Поняв, что я заметил его, он поспешил убрать инструмент в карман. Я проследовал мимо, вошел к себе в квартиру. А сейчас, стоя за углом, он подслушал наш разговор с помощью своего дьявольского прибора. Он доложит родителям о моих планах, у меня выкрадут записи и я лишусь авторства на мои открытия! Я в отчаянии, Яара!

- Дорогой мой! – воскликнула Яара, намереваясь следовать своему решению опровергать нелепости, - о каком приборе ты говоришь?

- Я говорю о слуховой трубке!

- Но разве можно с ее помощью слышать, о чем говорят за стенами дома?

- Еще как!

- Откуда тебе известно, что этот субъект находился за углом дома и привел в действие свое мнимое чудо-орудие? Разве оно выдает себя звуком или светом?

- Я вижу, ты подшучиваешь надо мной! Инструмент испускает в пространство невидимые эфирные лучи, и мой мозг воспринимает их! Молодчик думает, что незаметен. Но только не для меня!

- Разве лучи способны огибать угол?

- Этого не требуется! Они пронизывают стены любой толщины!

- Надав, умоляю тебя, оставь свои фантазии! Тебя одолевают галлюцинации!

- Ах, вот как! Ты не веришь мне! Или ты в сговоре с моими врагами?

- Что ты мелешь? Твои страхи – несусветная чушь! Опомнись!

- Убирайся вон, предательница! – вспылил Надав, - о, как болит голова...

- Милый, пожалуйста, успокойся, проглоти эту таблетку и усни.

Надав сник. Даже в минуты безумия он слишком любил Яару, чтобы враждовать с ней. Он послушно отправил в рот снотворное и вскоре задремал. Не теряя времени, Яара помчалась к Хагаю. Хватит скрывать. Она вынуждена была рассказать брату обо всем. Хагай отрядил двух санитаров, и вместе с ними и с Яарой они отправились на квартиру к Надаву. Тот еще спал. Увидев его, Хагай только руками всплеснул. “Повезло тебе, сестренка, подружиться с нашим старым пациентом! Ремиссия окончилась, и он снова попадает к нам!”

Хагай командовал санитарам разбудить Надава, препроводить его в медицинскую карету и везти в больницу.

- Ты будешь лечить Надава по своей новой системе? – спросила Яара.

- Увы, его душевное расстройство не поддается моему методу. Он будет госпитализирован в другом отделении. Ты сможешь навещать его хоть каждый день.

- Его болезнь излечима? – всхлипнула Яара.

- И да, и нет. Недуг иногда возвращается, как это случилось сейчас. Ему могут помочь сила воли и любовь. Эти две волшебные пилюли уменьшат риск рецидива, но не исключат его полностью. Что поделаешь, болезнь наступает верхом, а отступает пешком! Пойми, Яара, он не знал любви ни в детстве, ни в юности. Он так нуждается в ней!

- Когда он начинает говорить о своих бредовых подозрениях, я теряюсь, не знаю, как разубедить его!

- Не пытайся ничего опровергать, иначе он причислит тебя к своим врагам – такова особенность его болезни!

4

Простоватый Хагай проговорился матери о тайне Яары, и, как всегда, клял свой длинный язык. Не так Яара, как Малка сердилась на него за оплошность. Хоть и чувствовала молодая жена скрытую неприязнь свекрови, но понимала ее и жалела. А уж досада на мужа была ей не внове, вошла в привычку и не нуждалась в поводах.

Удивительно, но мать не порицала дочку, только себя осуждала за недогляд. Еще удивительнее, что Адель с сочувствием отнеслась к Надаву, и даже несколько раз навещала его в больнице вместе с Яарой. Адель пила из горькой чаши материнского бездоля: первый удар нанесла Цвия, потом сомнительное счастье Хагая, и вот теперь – бедняжка Яара! “Все напасти – из-за пытливых умов, - думала про себя Адель, - один переделывает головы землянам, другой воображает, будто исцеляет безумцев, третий вершит переворот в рисовании! Зачем? Для кого? Ради чего?”

“Почему Итро повадился ездить из Зюдмарса в Марс? – продолжала свои размышления Адель, - и всё норовит поехать без меня. Говорит, мол, дел в столице невпроворот. Засиживается с Малкой. Старый бес! Боже мой, неужели я снова подозреваю своего молодца? Глупо. Прошла его пора. Да разве любящий отец сделает худое сыну?”

ГЛАВА 11

*Я не раз в упоеньи великой борьбы
Побеждаем был вражеской силой
И не раз под напором жестокой судьбы
Находился у края могилы.*

Николай Гумилев.

1

Гонимый любовью к Цвие, марсианке из хорошей семьи с неординарной биографией, простой земной работяга Гиора воспользовался корыстными дарами ее хозяина Омера и купил себе за полцены приличный костюм, а также абонемент. Тяжело сносить благодеяния гордому и мятежному сердцу, но любовная страсть кричит громче амбиции, а та коварно таится, уповая на сладкую месть.

Гиора и Цвия встречались под сенью храма ненавистного Омера. Души любовников млели радостью, найдя вожделенный клад – один на двоих ковчег заветных чувств. Простившись, ждали следующей встречи. Она думала только о ней, он – не только.

Гиора не знал точно, велика ли всякого рода кривда на Марсе. Но зуд неудовлетворенного честолюбия толкал к борьбе за справедливость. Благо, неравенство существует всегда. “Вступиться за слабых, за бедных, за гонимых – возглавить, прославиться, утвердиться!” – говорил он себе.

В пролетарском трактире “Кружка да плошка” Гиора не только харчевался, но и совершенствовал пропагандистское мастерство. Он собирал вокруг себя слушателей, всё больше таких же, как он, выходцев с Земли и в прошлом обитателей рая, и разглагольствовал о равенстве.

- Друзья, вокруг нас творится слишком много несправедливых вещей! – заявлял Гиора.
- А кто знает меру сего? – звучал осторожный вопрос.
- На Земле и в раю нас учили Святые книги. Есть мера, и нельзя ее превосходить, - отвечал Гиора.
- Ты прав, - раздавался голос единомышленника, - травят бедняка, потому что он не страшен!
- Верно! Говорят, дескать, нас, пролетариев, жалеют! Ничего подобного! Их слезы – вода, их сердца – камень! – добавлял еще кто-то.
- Устой расшатывать опасно, - прозвучал шепот умеренности, - это чревато бедами. Закон один для всех!
- Закон заставляет ползти улиткой того, кто мог бы взлететь орлом! – воскликнул Гиора и поймал на себе уважительные взгляды.
- Он верно говорит, ребята! – раздался голос обожателя, - точно бельмо спало с глаз моих!
- Дух мой жаждет подвигов, дыхание – свободы! – обрел окончательную уверенность Гиора.
- Прочь сострадание и милосердие к лживым друзьям! – раздался воинственный клич.
- Скажу в добавку тому, кто говорил о законе, - произнес Гиора, - что порождает героев и высокие порывы? Свобода, а не тога продажного судьи!
- Нам нужен вдохновитель на делах, не на словах!
- Клянусь своею жизнью: я – ваш атаман! – воскликнул Гиора.
- Bravo, bravo! – прорвались сквозь вязкую пелену табачного дыма восторженные крики.
- Собираемся здесь завтра в полдень для обсуждения планов! – распорядился Гиора.
- Да придут ли, поверят ли тебе?
- Кто смеет сомневаться, коли я приказываю? – грозным окриком закрепил Гиора авторитет верховода.

Наступил назначенный час, и верные Гиоре люди окружили его и приготовились внимать предводителю. Благосклонность слушателей разжигает ум оратора. Не истине, но убеждению служат уста краснослова.

- Друзья, - начал свою речь Гиора, - те из вас, кто выразил благородное согласие вступить под мое знамя, прославят свои имена и преподнесут справедливость в дар нашей планете. Мы не совершим зла, отняв у толстосумов несправедливо нажитое, и сотворим благо, вручив добычу неимущим.

- Ура командиру! – раздались голоса.

- Земляне, попавшие на Марс из рая, несомненно, помнят напутствия ангелов Михаэля и Габриэля. На планете этой не встретишь насилия, и горячая любовь - редкость. Мы, праведники в прошлом, вступаем на разбойничью тропу и самостийно возлагаем на себя священную миссию. Деяния наши вырвут людей из полусна и подарят им полную жизнь, - заключил трибун.

- Мы с тобой, Гиора!

- Не словеса, но жестокие схватки приведут нас к успеху. Насилие священо в борьбе за добро. Без сантиментов принуждая и убивая, мы удружим одним и разбудим истинную природу в других. Нас ждут ненависть, любовь и слава! – продолжал пророчествовать Гиора.

- Где взять нам то, чего не сыскать на всей планете – как добыть оружие?

- Для начала обзаведемся топорами и ножами. Заимообразно. Продадим первые трофеи и купим лошадей. Долги вернем. Друзья, запомните этот день! Сегодня мы открываем новую страницу марсианской истории. Мы с вами пионеры-первопроходцы! За мной, нас ждут великие свершения!

Приступая к исполнению задуманной авантюры, Гиора для начала нанес визит старшему товарищу. Молодой бунтарь надеялся получить благословение из уст Гершеля, знатока Писания. Как известно, в Святых книгах справедливость и равенство – одни из маяков. Не смотря на занятость, Гершель со щедростью уделил время Гиоре. Тепло расспросил, как складывается жизнь молодая на новом месте. Рассказал об общих знакомых – о Малке и ее замужестве, об Айзике и о его процветании.

Намерения мятежника раввин не одобрил. Отнимать несправедливо нажитое? Да ведь это разбой! Помогать неимущим – благое дело, но не награбленным же добром! Гершель объяснил юному повстанцу, что и он радеет о бедняках – но молитвой и Божественным словом! И уж совсем не годится разжигать низкие страсти в людях! Или забыл Гиора, как в Божине убили его? Гершель напомнил гостю, что пока, слава Богу, на планете нет гонений на иудеев. Однако, в банде у Гиоры таковых много, и не мешает помнить бунтовщику, кого любят избирать козлом отпущения. “Не хлещи кобылу – и не лягнет!” – нравоучительно закончил меламед. Чрезмерное благоразумие Гершеля ничуть не убавило от одержимости Гиоры: “Я молод и многое могу, а у старика-знатока достанет мудрости одобрить меня задним числом!”

Гиора вошел в заведение Омера твердым решительным шагом, с видом гордым и лицом открытым. Смело, словно направлялся к себе домой, застучал каблуками вверх по лестнице навстречу своей пассии. Хозяин поглядел ему вслед и не нашел объяснения метаморфозе. Волнуясь, Гиора усадил возлюбленную напротив и торжественно посвятил в свои разбойничьи замыслы. Цвия слушала с восторгом.

- Ты собираешься грабить, мой милый?

- Да, любимая!

- Кого ты наметил в первую жертву?

- Рабовладельца Омера!

- Ты хочешь занять его место?

- О, нет! Я намерен похитить тебя!

- Как я счастлива! – плача от восторга вскричала Цвия и бросилась в объятия Гиоры.

- Идем! Ты свободна! С этой минуты ты моя жена и самая прекрасная разбойница в моем атаманстве!

Законный муж Цвии наждался в лошадях, и она с радостью рекомендовала ему конный завод матери. Наконец-то она принесет пользу родительскому дому! Гиора отправился на переговоры к Адели. Контракт на покупку лошадей с немедленной поставкой товара и отсроченным погашением долга заключили быстро. Адель радовалась крупному заказу, но не знала еще, как принять крутую перемену в судьбе дочери. Она убеждала себя, что новый бандит окажется лучше прежнего лиходея. Сперва Малка, теперь Гиора – вот уж второй экземпляр с Земли, вступающий в лоно семейства. Итак, мать и дочь стали первыми марсианскими субъектами воздействия нового духа.

4

Неосторожная откровенность Гершеля указала Гиоре подходящую жертву, и конный разбойничий отряд направился из Марса в Зюдмарс, где атаман рассчитывал углубить прежнее шапочное знакомство с разбогатевшим Айзиком. Встреча, как и следовало ожидать, началась приятной беседой. Гиора и Айзик обнялись. Почтенная Рина почти подружилась с юной Цвией.

Хозяевам показались интересными и многообещающими планы гостей перестроить сердца марсиан. Тут Гиора пояснил, что великое сие начинание требует больших жертвований. Разумеется, добровольных. Заявление атамана замутило атмосферу встречи. Но делать нечего – надо раскошелиться. Поскольку, согласно брачному договору, имущество у Айзика и Рины раздельное, то разбойничья казна пополнилась из двух источников.

Желая успеха почину молодого товарища, Айзик подсказал ему, что скорее всего в Нордмарсе, где проживает богатая элита планеты, они смогут хорошенько пограбить. Гиора с женой и верными товарищами совершили конный переход через всю страну с юга на север.

Чопорный вид Нордмарса поразил Гиору и заставил непривычно оробеть. На помощь пришел один из богатейших горожан виконт Ярив. Этот воротила держался того мнения, что для успеха дела крайне важно узнавать новости раньше конкурентов. Он первый в городе проведаль о

приближении отряда, и сам вышел ему навстречу. Ярив усмотрел в действиях разбойников зарю желанных и назревших перемен. Он снабдил их деньгами, и при условии сохранения тайны обещал помогать и впредь, ибо чутье подсказывало ему, что вложения окупятся многократно.

На этом закончилась ненасильственная часть анабазиса Гиоры. Приобретались сабли, всевозможная амуниция, колесницы, повозки и так далее. Нашлись люди, которые знали, как изготавливать эти непривычные для Марса вещи. Не желавшие расставаться с деньгами толстосумы отдавали их под угрозой применения оружия.

Однажды пролилась кровь. Раз случившись, это событие повторялось, утратило уникальность и, хоть и не превратилось в обыденщину, но уже не оскорбляло чувства людей. Происходя часто, насилие становится терпимым. Отряд Гиоры обездоливал одних и осчастливливал других. Атамана любили товарищи, боготворила жена, и боялись власти. Для поддержания порядка, они тоже собирали войско, вооружались, сражались с бандой. Адель расширяла дело, получая новые заказы один за другим.

Брожение умов охватило безмятежную прежде планету. Хладнодушие не исчезает сразу, но многие решали для себя – с кем они. Перемены в сердцах происходили незаметно для людей. Дремавшие страсти и инстинкты просыпались.

ГЛАВА 12

*Постели, нежные от ласки аромата,
Как жадные гроба, раскроются для нас,
И странные цветы, дышавшие когда-то
Под блеском лучших дней, вздохнут в последний раз.*

Шарль Бодлер, “СXXXI. Смерть любовников”, перевод К. Бальмонта.

*О ложе, ты, что брачный пояс мой
Распущенным увидело, – прости!
Я не сержусь, хоть только ты сгубило
Меня: тебе и мужу изменить
Боялась я и, видишь, – умираю.*

Еврипид, “Алкеста”, эписодий первый, перевод И. Анненского.

Война Гиоры поначалу походила на бунт, но постепенно такое сходство исчезло, и брение превратилось в негасимую, но не слишком бурную гражданскую войну. Брошенная им искра упала на огнеопасную почву подавленных влечений, и помимо его воли разгорелись два набиравших мощь очага пламени. Природные страсти искали выход, кусали и раскачивали исконную апатию, а та, в свою очередь, не желала сдавать позиции, и обе эти силы завладевали массами марсиан.

Безымянный атаман-хулиган становился известным полководцем. Гиора давно переступил порог своих амбиций, но как остановить камнепад? Тому честь, кто может снести! Трудно сказать, то ли Гиора правил событиями, то ли они влекли его за собой. Неуверенность мужа передавалась жене и огорчала ее.

Удивительно легко приживались в характерах многих марсиан неведомые прежде черты – кровожадность, похоть, любопытство. Храмы Божьи гудели проповедями, трактующими по-новому деяния Каина и Хавы: искусные толкователи всегда шли в ногу со временем.

Как и ожидалось, оказались на высоте правящие круги марсианские: они проявили коренное свойство всякой власти – инстинкт выживания. Повелевающим положено бессмертие. Были увеличены налоги, создана полиция, тюрьмы, армия. Марсиане спешно учились у землян ковать холодное и лить и точить из стали огнестрельное оружие, выдумали изобретенный на другой планете порох, приняли законы о гуманной казни и нашли добровольцев-палачей.

Ускорила постройка железных дорог, паровая тяга теснила гужевую, инженерия обрела престиж, а поэты и художники набирали полные легкие нового воздуха.

Виконт Ярив потирал руки. Военные поставки приятным бременем тяжелили семейную казну. “Если можешь – обогащайся честно, а если нет, то – как можешь!” – шутил виконт, не имея в виду себя. Берта выполняла заказы одной из воюющих сторон, Ярив снабжал другой лагерь. Однако, не алчность, но патриотическая идея главенствовала во взглядах магната. Марс необратимо стал на новый путь. Опасное отставание от дьявольски агрессивной Земли счастливо сокращалось, души раскрепощались, сердца просыпались к жизни.

Психиатр Хагай ревниво наблюдал за прогрессом неразвитых прежде областей медицины. Необходимо оперировать раненых, лечить переломы и ожоги, ампутировать конечности, ухаживать за инвалидами. При этом беспристрастная медицинская статистика тревожила цифрами о сокращении душевных заболеваний.

В рядах армии Гиоры сражалось непропорционально большое число земных иудеев-праведников, сокрушавших чужие устои. Это зловещее обстоятельство кололо глаза ортодоксальным массам марсианского народа и оказывало двоякое действие на власти. Кормчие планеты, с одной стороны, не желали нарушающей их покой межрелигиозной вражды, а с другой стороны, радовались появлению удобного русла, в которое при желании можно было направить гнев большинства. В новой реальности правительство осваивало государственные маневры, меламед и раввин Гершель тяжело вздыхал, а тщеславный неслух Гиора вспоминал пророческие остережения мудрого земляка.

2

Для настоящего ученого не существует политики. Поле его интересов простирается в научной области, и только в ней. Озабоченный переменами медицинских приоритетов, Хагай еще больше углубился в работу. Необходимо форсировать результаты нового метода лечения душевных болезней. Кроме того, убыль психических недугов казалась ему явлением случайным, такой статистической флуктуацией. Новые духовные веяния на планете должны были, по его мнению, лишь увеличить опасность безумия. Хагай проводил в своей клинике дни и ночи и совсем позабыл о молодой жене.

Демонический дух витал над планетой и вселялся в души. Огонек эстетизма с молодых ногтей шуршал в сердце Итро, подпитывался восхищением юной женской красотой, хотя не грозил пожаром. С годами костерок почти потух, но нынче занялся на свежем ветру, запыхал трескучим пламенем. Скучающая Малка благосклонно снизошла к страсти незрелого старика. Итро потерял голову. Из Зюдмарса переселился в Марс. Провожал Малку на занятия и встречал ее. Домогался близости молодой.

Однажды несчастная Адель, задумавшись, неосторожно без стука вошла в дом сына. Развратное непотребство взорвало ее понимание целомудренной чистоты супружества. В центре гостиной она узрела полуодетую Малку, волосы были призывно разбросаны по плечам. На коленях перед девкой стоял Итро и жадно целовал ей руки.

“Гнусный снохач!” – взвизгнула Адель, захлопнула дверь и бросилась прочь. “Как простой вахлак! Профессор! Грубая скотина! Самец! Кобель! – рыдала бедняжка, - а моя Цвия – святая против этой мерзавки! Бедный Хагай ничего не подозревает. Какое огромное сердце – самозабвенно лечит недужных! Сладкий сынок мой, тебе чужды бешеные страсти, только благоразумие и польза живут в добропорядочной душе твоей!”

Адель возвращалась в Зюдмарс в сопровождении Яры и Надава. Дочь нежно гладила голову и плечи неумно плачущей матери, а та в свою очередь вцепилась в руку Надава. “Пусть он больной, но ведь хороший парень, - думала Адель, - доживу ли до их женитьбы?”

Лад меж Ярой и Малкой совершенно расстроился. “Как дружить с той, кто принес столько горя в семью?” – рассуждала Яра. Она пыталась говорить об этом с Надавом, но он избегал личной темы. В последнее время он крепко думал об изображении пространства на плоском холсте, кажется, нащупал главное. Новые веяния заострили ум, он пребывал в благополучном периоде ремиссии, и жаль было растрчивать силы.

Потрясение сломило Адель, и она занемогла. Черные мысли сверлили воспаленный мозг. “Что будет с Итро? Как сказать Хагаю? Стыдно слуг”. Даже маленький Амир почуял недоброе в семье и не отходил от больной матери.

3

Мир, как известно, мал. До Гершеля дошли скандальные слухи. Не думая долго, он послал к Итро одного из мальчиков-учеников с запиской. Старый меламед категорически требовал от бывшего покровителя немедленно явиться к нему домой. Да, времена изменились. Гершель заработал столь высокий моральный авторитет среди марсианских интеллектуалов, что смело мог говорить повелительным языком с профессором и важным государственным чиновником.

Итро покорно явился к бывшему своему протеже. Гершель принялся наставлять бесшабашного любовника. Огромность знаний несколько часов поддерживала красноречие учителя. Увы, слишком мало значит слово мудреца против немудреного дела Хавы!

“Я прожил долгую жизнь, - размышлял огорченный неудачей Гершель, - я видел браки благополучные и неуспешные. Воистину, бесконечно многообразно супружеское счастье, но бездельные семьи все несчастливы одинаково: горе, горе и горе – их жалкий удел!”

Гершель вспомнил почему-то свою отроческую любовь к Малке. “Милая девочка в городе Вильно. Потом Божин разлучил нас, и уже ничто в мире не смогло соединить наши судьбы. Она умерла молодой, я – стариком. В раю мы свиделись, я признался ей и раскаялся. Ведь я стар! И вот теперь она вновь молода, но другой старик, что смелее меня, завоевывает юное сердце...”

Безрассудство идет до конца и возраста оно не разбирает. Итро и Малка ударились в бега. Они укрылись в самом дальнем и безлюдном западном конце планеты – в какой-то безвестной деревне за Вестмарсом.

Гершель принял эту новость с бесхитростным простецким изумлением. “Какими, однако, невероятными изменами отмечено марсово беспутство! – размышлял он, - на Земле, случалось,

юная жена удирала с лихим ухарем от немилого мужа-старца, а тут баба в соку бежит со стариком от молодого мужика!”

Адель ждала этого бедствия. Она была уже тяжело больна. К ней приставили сиделку. Бедняжка предвидела скорую смерть и молила Господа, чтоб поскорее кончил муки ее. Не о своей несчастной доле горевала Адель, думы о судьбе Хагая терзали материнское сердце.

4

Рожденный переменами дух честолюбия казался всепроникающ. Основательный и педантичный ум Хагая поддался непривычной лихорадке поиска, азартно и быстро находил решения сложных, порой, застарелых проблем. Молодой ученый жадно вдыхал запах победы. Все шло, как нельзя лучше. Метод работал.

Хагай почувствовал усталость. Вспомнил о доме, затосковал о Малке. “Сколько недель не был дома? – устыдился, - небось, скучает бедная! Хотя, с чего бы ей грустить? Дружит с Яарой, рисует...”

Не застав Малку дома, не удивился: занятия, упражнения в студии. Сварил себе кофе, сдобрил рюмочкой коньяку. “Я проголодался, а дома хоть шаром покати! – подумал в осуждение супруги, - впрочем, я сам виноват – Малка не хочет есть одна без меня, кормится вместе с Яарой и ее дружкой в ресторане. Ладно, потерплю, пока вернется, вместе поужинаем. Что это за конверт на столе? Записка?” Хагай прочитал письмо Малки. Несколько строк были добавлены рукой отца.

Мы быстро усваиваем смысл вещей ожидаемых. Значение нежданного долго пробирается к рассудку. Наконец, Хагай понял простую суть прочитанного. Защемило сердце. Кровь бросилась в голову. Не мог дышать, расхотелось жить. Мир рухнул в одночасье. “Где Яара? Что с матерью? Боялись сообщить мне...”

Ночным поездом недавно проложенной железной дороги Хагай поехал в Зюдмарс. Горничная доложила о нем больной Адели. Хагай ворвался в комнату матери. При виде сына она залилась слезами. Рядом с ней – Яара. Обе плакали, говорить не в силах. Слезы красноречивее слов.

Хагай решительно поднялся со стула, молча направился к двери. “Куда ты, сынок? Не оставляй меня!” Он сделал еще несколько шагов, потом обернулся и процедил сквозь зубы: “Я их найду!” У Адели потемнело в глазах. “Это конец...” – бессильными устами едва слышно вымолвила она и лишилась чувств.

Длинная дорога и долгие поиски, казалось, умерили исступление Хагая. Обвинять, не пытаюсь искать оправдание – глупо. Оправдывать, пусть несправедливо – благородно. “Я человек рациональный, практический, - рассуждал он, - я врач психиатр. Разве исключено, что жена и отец – мои пациенты? Тогда они не ответственны за содеянное? Возможно. Я никогда прежде не задавался вопросом, может ли безумие быть оправданием злу? Или это лазейка бесовщине?”

Хагай нашел беглецов. Его не ждали. Представшая его взору мерзость мгновенно уничтожила усилия здравомыслия. Он никогда не прибегал к насилию, думал, не способен на это. Но каинова отравка парализовала мозг. Оглушенный яростью, не слыша отчаянных женских воплей, он бросился к Малке, с невероятной силой сдавил ей горло, и, как зверь, инстинктивно не выпускал свою жертву, пока та не перестала дышать.

Он обратил взгляд налитых кровью глаз в сторону отца. Итро лежал неподвижно на боку. “Он мертв! – проговорил Хагай, - похоть убила слабое сердце старика!” Неистовство уступило место отчаянию. “Мне не будет жизни в этом царстве теней, мне лучше совсем не жить!”

Хагай добровольно отдал себя в руки закона. Он принял на себя вину за обе смерти. Суд был скор и решителен. Впервые на Марсе совершились женоубийство и отцеубийство. Следовало применить новый закон о казни. Власти охотно исполнили судебный вердикт – наказание преступника, лишившего жизни высокого чиновника и женщину с Земли, должно было снизить накал вражды обеих противоборствующих сторон.

Казнь состоялась в Марсе, на центральной площади. Задуманная как публичная, она не стала таковой. В абсолютной тишине был слышен стук скатившейся с эшафота головы Хагая. Палач подхватил ее, поднял за волосы, показал воображаемой публике. Не было ни души вокруг. Марсиане пока не созрели до столь волнующих зрелищ.

Яаре не пришлось исполнять тяжкий долг – сообщать матери о продолжении трагедии. Адель так и не пришла в себя. Она тихо умерла на руках у дочери.

ГЛАВА 13

*У тебя клеймо на лбу;
Но везде пойду с тобой.
Кто тебя полюбит там,
Если будешь брошен мной?*

*Целый мир тебя отверг,
И грешна душа твоя.
Целый мир тебя отверг;
Но не я, не я, не я!*

Барри Корнуолл, “Жена каторжного”, перевод М. Михайлова.

*Слезы людские, о слезы людские,
Летесь вы ранней и поздней порой...*

Федор Тютчев.

Маленький Амир осиротел. Яара и Надав подали челобитную властям – ходатайство об опеке над мальчиком. Не сомневавшиеся в положительном ответе на прошение, они были ошеломлены отказом. Оказывается, в целях охраны нравственности детства закон запрещает пребывание ребенка в среде аморального сожительства. Яаре предписывалось доставить младшего брата в сиротский приют.

Бедняжка Амир горько плакал, ни за что не хотел расставаться с сестрой и дядей Надавом. Он успокоился, лишь получив заверения в том, что его будут навещать каждую неделю и купят велосипед.

Яара начинала тяготиться двусмысленностью ситуации свободной любви. Неудачная попытка взять на воспитание младшего брата добавила горечи. Но что она могла поделать? Предрассудки гордости удерживали от инициативных действий.

А Надав переживал дни подъема. Казалось, идеи бесконечным множеством хлынули ему в душу, наполняли ее, а она ширилась и готова была принимать еще и еще. Он рисовал карандашные эскизы, писал красками полотна, не закончив одну работу, брался за другую, потом возвращался к первой. Упоительная муза совершенно завладела им. Пытаясь спастись от тоски, художник скрывается в работе.

Казалось бы, полет духа всех выше удовольствий. Так отчего же вдруг опустела душа Надава? Какое-то новое, прежде незнакомое чувство внезапно посягнуло на животворный экстаз. “Я познал тайны всех страстей в искусстве, - лихорадочно думал он, - но где любовь в сердце моем? Я слеп, глух и бесчувствен! Глупец, ищи под фонарем! Яара – вот звезда моя, вдохновение мое и судьба!”

Сделав это открытие, Надав бросился к Яаре.

- Дорогая, как я люблю тебя! Где взять достойные слова?

- Зачем слова тебе, ведь я сама – твоя!

- О, нет! Будь мне женой – тогда станешь моей!

- Ах... – только и вымолвила Яара, слезы радости брызнули из глаз, и она бросилась на шею к Надаву.

- Где я был раньше? Какие славные перемены свершились внутри и вокруг меня! Благословение сходит на нашу планету!

- Милый, мы счастливая пара, нас ждет образцовый зугиют!

- Яара, - переменялся в лице Надав, - не произноси впредь это слово! Что в нем? Ни пришей ни пристегни! Не образцовый зугиют – а горячая любовь!

Брак Надава и Яары уничтожил препятствие для опеки. Переселившись из сиротского приюта в новую семью, Амир был счастлив не меньше молодоженов. В придачу к велосипеду он получил лук и колчан полный стрел.

Яара со всей ответственностью отнеслась к опекунству и решила временно оставить Высшую школу изящных искусств, дабы посвящать время воспитанию малолетнего брата. Она сама отводила его на учебу и забирала домой, где его ждали горячий обед и строгий надзор за приготовлением домашних заданий.

- Яара, - спросил как-то Амир сестру по пути домой из школы, - когда у меня появится маленький племянник?

- С чего это ты взял, дружок, что он непременно появится?

- Ну, вы же с Надавом узаконили свой зугиют, значит, ваша интимная близость должна быть подчинена рождению детей!

- Во-первых, не смей произносить слово “зугиют”, а, во-вторых, где ты всему этому набрался?

- Яара, разве ты не читала в газетах, что в нашу школьную программу включен предмет “половое воспитание”?

- Слышала. Полет души замещают механическими процедурами, - пробурчала она себе под нос, - ну, и что же вы изучаете сейчас, - спросила громко?

- Сегодняшний урок был посвящен противозачаточным средствам.

- Это второклассникам объясняют?

- Учительница сказала, что знания никогда не бывают преждевременными. Я не получил ответ на мой вопрос о племяннике.

- Цыц, малявка! Вот тебе ответ! – окончательно рассердилась старшая сестра.

2

Однажды Надав предложил Яаре взглянуть на его последние работы. Она поразились, впервые увидев на полотне обнаженную мужскую и женскую плоть, красоту и совершенство форм. Позы и жесты персонажей намекали на их вожделения. Один из холстов представлял идиллическую семейную сцену – под деревом сидели Хава и Адам и ласкали своих карапузов Каина и Эвеля. На других картинах изображались сцены боев. Кровь, искалеченные тела воинов, жестокие лица победителей, обреченность в глазах побежденных.

- Дремавшая сила проснулась, это она вдохновила мою кисть! – гордо воскликнул Надав.

- Воистину, новая живопись! – восхитилась Яара.

- А теперь, Яара, обрати внимание, - торжественно изрек Надав, - фигуры и предметы на картинах тем меньше, чем дальше они от глаза зрителя, и мнимые лучи сходятся на горизонте в точку!

- Да ведь это чудо!

- Я открыл тайну перспективы! Я выставлю эти полотна в главном зале нашей Высшей школы. Кажется, я сделал немало!

Картины Надава произвели сенсацию. Знатоки, завистники и доброжелатели оценили достижение по достоинству. Критика выразила бурный восторг. Уже через месяц было созвано экстренное заседание Академии. В аудитории, где когда-то докладывал Хагай, мир праху его, сегодня чествовали Надава. За свое открытие он получил в награду круглую золотую медаль на шею и персональную мастерскую в бессрочное пользование.

Медаль от света славы блестит, но отбрасывает тень. Яара и Надав вернулись домой. Мрачное выражение лица виновника торжества выдавало внутреннюю тревогу. Холод подозрения обжег сердце Яары. “Подойди к окну! - резко бросил Надав, - ты различаешь жужжание?” Яара сделала вид, что прислушивается, но ничего не отвечала. “Звук режет ухо. Это разведочный прибор. Родители подослали своего наймита, чтобы следил за мной. Они хотят лишить меня наград и славы в пользу бездарного брата. Почему ты молчишь? Ты с ними заодно? Отвечай!”

Что делать? Хагая нет в живых. Кто поможет и спасет? “Я с тобой, Надав. Вместе одолеем беду. Ничего не бойся!” С этими словами она, как могла сильно, обняла его и не позволила

высвободиться из объятий. Он согласился принять снотворное. Уснул. Наутро немного успокоился. “Я неизлечимо болен...” – пробормотал он. Нежданный прилив чувств затопил его сердце. “Меня держит только любовь... ты не покинешь меня?” Яара глотала слезы. “Я всегда с тобой, всегда...”

3

Восстание Гиоры возымело глубокое действие на души марсиан. Но разрослась чрезмерно и не помещалась в честном его сердце слава, которой он вожделем, а ее тяжелый венец ранил чело. Твердая рука ослабла и уж не так крепко, как следовало, держала в узде коварных соратников. В среде их появились претенденты на лавры вождя. То были аборигены, усвоившие инопланетные идеи атамана. Невыносимая мысль терзала головы их: “Чужак-иудей с Земли, да еще и праведник из рая, будет учить жизни марсианскую титульную расу?”

Путч назревал. Гиора по старой памяти пришел в харчевню “Кружка да плошка”, чтобы повстречаться и покалякать с друзьями-пролетариями. Телохранителей он не имел. “Всеобщая любовь – лучшая охрана!” – говаривал он вечно беспокойной Цвие.

Ненавистники сделали вид, что не заметили его прихода, и завели громкий разговор о низости иудеев и неумном их желании поработить благоверных марсиан. Гиора прислушался. Старая песня, знакомая боль. Кровь ударила ему в голову. Как когда-то в Божине, он бросился с кулаками на застрельщиков высокой правды. Дюжина гибельных ножевых ран избавила его от предсмертных мук. Гиора успел с гордостью подумать, что вот, он во второй раз умирает, защищая свой народ. “Конец дурню, - ласково проговорил один из убийц, - он сам накликал на себя беду!”

Убийство командира не повлекло за собой переворота в бывшем его воинстве. Агенты тайной полиции властей арестовали путчистов. Их подкупили, и они согласились распустить ополчение. Военные действия окончились, но перемены на Марсе были уже необратимы.

На могильном камне выбили скупую надпись: “Георгий, человек с Земли”. Две женщины и один мужчина плакали над свежей могилой. Простившись с убитым, Яара и Надав ушли понурившись. Цвия осталась наедине с вдовьим горем. Неприкаянная, она вернулась к Омеру.

ГЛАВА 14

*Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи света иль, быть может, тьмы, –
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!*

Валерий Брюсов, “Сын земли”.

Михаэль и Габриэль сидели на скромной скамье в тени грушевого дерева, что пустило цепкие корни и простерло широкую крону у входа в рай. Очи их упирались в древнее строение – бесподобной красоты каменные врата темно-красного порфира.

Старший над раем ангел Михаэль и наперсник его ангел Габриэль не по-райски мрачно глядели на зеленевшую невдалеке Поляну Раздумий. Как видно, и в раю случаются поводы для огорчений.

Минуло несколько лет с того драматического дня, когда одни из лучших обитателей эдема – Гершель, Айзик, Малка и Георгий – явились по зову своих высоких наставников в “тенеты дилемм”, дабы выслушать почетное предложение о переселении на Марс. Четверо праведников обдумали ответ и дали благосклонное согласие.

Райские ангелы получали регулярные донесения о перипетиях жизни своих питомцев на новой планете, созданной и задуманной Господом, как арена глубокого эксперимента над человеческим духом.

От жестокой руки ревнивца погибла несчастная Малка. Повторно был убит врагами иудеев доблестный Георгий. Горестные эти факты, страшные сами по себе, остаются всего лишь микроскопическими индивидуальными трагедиями, незаметными в безмерном вселенском мраке злого человеческого начала.

- Произошедшие на Марсе перемены близко уподобили его Земле, - произнес Габриэль.

- Возможно, не деяния Хавы и Каина, а некие иные сокровенные сущности правят сердцами, - задумчиво сказал Михаэль.

- Обрати внимание, друг, среди прочих сходных с Землей черт, Марс удостоился вражды к иудеям!

- Должно быть, поэтому наши старички вернулись к земной рутине. Айзик вновь стал хасидским цади́ком и любимцем простонародья, а Гершель вернул себе престиж ученого раввина и хасидоборца. Они привычно язвят друг друга и вместе воюют за самих себя и свой народ.

- Наверное, опечалится Всевышний неуспехом марсианского опыта, - грустно заметил Габриэль.

- Неведомы нам пути Высшего разума, подождем и узнаем истинное толкование событий! – сказал Михаэль.

- Пожалуй. Но, думаю, не станем мы впредь направлять из рая посланцев на Марс! – подытожил ангел Габриэль.